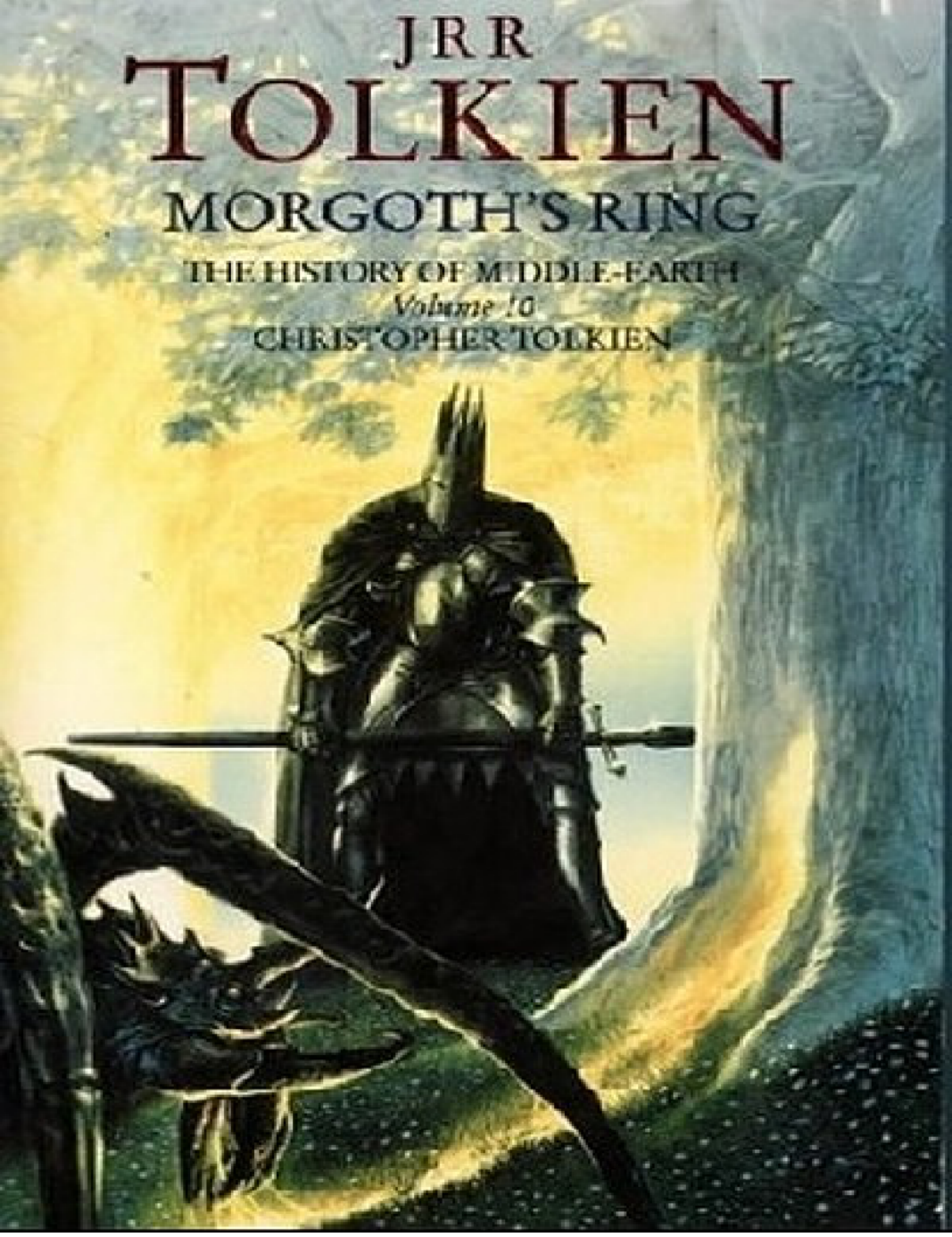
JRR
TOLKIEN
MORGOTH'S RING
THE HISTORY OF MIDDLE-EARTH
Volume 10
CHRISTOPHER TOLKIEN

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Мудрецы людей (весьма немногочисленные) по большей части хранили свою мудрость в тайне и передавали ее лишь избранным. И вот вышло так, что однажды весной Финрод гостил в доме Белемира; и разговорился он с мудрой женщиной Андрет, и зашел у них разговор о людях и об их судьбах.

- Джон Рональд Руэл Толкин
  - ○

Джон Рональд Руэл Толкин
АТРАБЕТ ФИНРОД АХ АНДРЭТ (РЕЧИ ФИНРОДА И АНДРЕТ)

пер. А. Хромовой, ред. К. Кинн

Несмотря на то, что действие «Речей Финрода и Андрет», очень важной, но до сих пор неизвестной работы, происходит в более позднюю эпоху Предначальных Дней, чем та, о которой идет речь в этом томе, ее, очевидно, необходимо включить именно в него, ибо она как по времени создания, так и по содержанию тесно связана с работами «второй фазы» истории «С», начатого после завершения «ВК». Я решил, что лучше включить эту работу как отдельную, самостоятельную часть, чем поместить ее среди разнородных эссе части V, ибо, в отличие от них, она представляет собой крупное законченное произведение, и в других работах встречаются ссылки на нее, что говорит о том, что для отца она являлась неким «авторитетным источником».

История текста, в том, что касается собственно «Речей», довольно проста.? Существует одна рукопись (А), _по стилю и внешнему виду_ очень похожая на «Законы и обычаи эльдар» и написанная таким же отчетливым и беглым почерком — хотя сохранилось несколько страниц черновиков, причем видно, что были и другие (). Кроме того, есть еще два машинописных текста, напечатанных под диктовку; оба они сделаны по рукописи независимо друг от друга, после того, как в рукопись были внесены все необходимые поправки. Один из них, вероятно, первый (В), не представляет особой ценности: в нем много ошибок, и отец просмотрел его очень бегло, не внеся никакой правки. Другой (С), существующий в двух экземплярах, напечатан лучше, хотя тоже не без ошибок; его отец прочел внимательнее и внес много небольших изменений, но пропустил несколько ошибок. Приведенный здесь текст печатается по рукописи с учетом исправлений в машинописных текстах.

Оба машинописных текста не имеют заглавия, оба начинаются со слов «И вот вышло так, что однажды весной…» (). А рукопись озаглавлена «О смерти, Детях Эру и Искажении Арды» (позднее добавлено еще одно заглавие или подзаголовок: «Беседа Финрода и Андрет»), и фразе, с которой начинаются машинописные

тексты, предшествует две страницы введения. Это введение к «Беседе» на самом деле было окончанием эссе, которое отец сделал отдельной работой («Аман»).

Позднее отец напечатал это введение в двух экземплярах на новой пишущей машинке и приложил к началу текста С. Введение не озаглавлено. Отец сильно переделал его, когда перепечатывал; но смысл рукописной версии в целом сохранился, так что стоит отметить лишь некоторые изменения.

Что касается времени создания этой работы: она была написана после завершения рукописи «Законов и обычаев эльдар» — это видно по замечаниям отца в последних: «Подробнее об этом см. в более поздних „Атрабет Финрод ах Андрет“ и „Но см. Атрабет“». Очевидно также, что машинописный текст В «Законов и обычаев» сделан раньше, так как в «Атрабет» используется более поздний термин «хроа», который в тексте В появился только после поспешной правки (вм. «хрондо»). Текст и очень тщательный комментарий к нему (который напечатан на новой машинке) были завернуты в газеты от января 1960 г., и из надписи на газетах видно, что текст был закончен, когда эти газеты пустили в дело. Это, конечно, не доказывает, что январь 1960 года следует считать верхней границей: газеты могли быть и старые; но, по-моему, это маловероятно; поэтому я бы датировал эту работу 1959 годом. Единственное, что этому противоречит, это то, что сохранившиеся черновики написаны на документах, относящихся к 1955 году; но если у отца такой бумаги было много (а похоже, что так оно и есть), это доказывает лишь то, что работа над «Атрабет» началась не раньше 1955 года. В то же время, можно предположить, что эта работа длилась с перерывами в течение значительного промежутка времени.

Вот машинописный вариант вводной части:

Эльдар стало известно, что, согласно преданиям эдайн, люди верят, что их хроа недолговечны не по истинной своей природе, но по вине Мелькора. эльдар не могли понять, что люди имеют в виду: общее искажение Арды (эльдар считали, что именно ему они сами обязаны тем, что их хроа истаивают); или некое особое злодеяние, направленное против людей как таковых; или и то и другое. Но эльдар казалось, что, если смертность людей порождена особым злодеянием, то природа людей страшно изменилась по сравнению с изначальным замыслом Эру; и эльдар считали это удивительным и ужасающим, ибо, если это правда, мощь Мелькора (по крайней мере, изначально) была гораздо больше, чем виделось эльдар; изначальная же природа людей была воистину странной, непохожей на судьбы всех прочих обитателей Арды.

И о том говорится в древних преданиях эльдар, что давным-давно, в Белерианде, Финрод Фелагунд и Андрет Мудрая вели однажды беседу меж собой. И вот эта повесть, которую эльдар называют «Атрабет Финрод ах Андрет», в одном из дошедших до нас вариантов.

Финрод, сын Финарфина, сына Финвэ, был мудрейшим из нолдор: он по натуре был скорее мыслителем, чем творцом; кроме того, он стремился как можно больше узнать о роде человеческом. Это он первым в Белерианде встретил людей и подружился с ними; поэтому эльдар часто звали его Эдэннилем, «другом людей». Больше всего он любил народ Беора Старого, ибо они были первыми, кого он повстречал в лесах восточного Белерианда.

Андрет была женщина из дома Беора, сестра Брегора, отца Барахира (чьим сыном был прославленный Берен Однорукий). Она была мудра и сведуща в преданиях людей и в науках, что были ведомы им, и потому эльдар прозвали ее Саэлинд, «мудрая душа».

Среди Мудрых было немало женщин, и люди весьма чтили их, прежде всего потому, что они помнили предания былых времен. В те дни жила еще другая мудрая женщина, Аданэль, сестра Хадора Лориндола, что правил народом Мараха; а предания и знания этого народа, равно как и его язык, отличались от тех, которыми владел народ Беора. Аданэль же была замужем за родичем Андрет, Белемиром из рода Беора; Белемир был дедом Эмельдир, матери Берена. В юности Андрет прожила несколько лет в доме Белемира и потому знала от Аданэли многие предания народа Мараха, помимо того, что было известно ее собственному народу.

Во дни мира, прежде, чем Мелькор разбил Осаду Ангбанда, Финрод часто навещал Андрет. Финрод был очень дружен с нею, ибо она передавала ему свои познания охотнее, нежели большинство Мудрецов людей. Казалось, некая тень омрачает их души, и позади их лежала тьма, о которой они старались не говорить даже между собой. А эльдар они опасались, и избегали раскрывать им как свои мысли, так и свои предания. Впрочем, Мудрецы людей (весьма немногочисленные) по большей части хранили свою мудрость в тайне и передавали ее лишь избранным.

Основное различие между рукописным и машинописным вариантом заключается в нижеследующем вводном отрывке, содержащем более подробную генеалогию Дома Беора. Рукописная версия содержит некоторые дополнительные сведения об Аданели:

Аданель, сестра Хадора тоже была мудрой женщиной, хотя происходила из другого Дома и хранила иные предания. Она

вышла замуж за Белемира из Дома Беора, внука Белена, второго сына Беора Старого, которому передалась большая часть его мудрости (Беор тоже был одним из мудрых). Андрэт очень любила своего родича Белемира. Она долго жила у него в доме, где Аданель передавала ей предания народа Мараха и Дома Хадора.

Если сопоставить данные, приведенные во вступлении к «Атрабет», со сведениями из Сильмариллиона, можно начертить следующее дерево:

Больше всего данных о генеалогии Дома Беора в опубликованном Сильмариллионе взято, разумеется, из работ, написанных после «Властелина Колец»: в КС и Анналах Белериандa (2) отец Берена Барахир был сыном Беора Старого, а о Народе Мараха вообще не упомянуто.

Другое отличие рукописного варианта заключается в словах, что Андрет «также узнала многое от эльдар» и что эльдар часто звали Финрода «Атандил (или Эденнил)» (см. словарь к «Атрабет»).

В первой сноске к началу повествования дата «Атрабет» указана, как «примерно 409 год во время Долгого Мира (260–455)». В 260 году Глаурунг впервые вышел из ворот Ангбанда, и 455 произошла Дагор Браголлах или Битва Мчащегося Пламени, когда Осада Ангбанда была разорвана. Согласно более старой хронологии (см. 130, 274 Серых Анналов), Финрод Фелагунд обнаружил Беора в пригорьях Синих Гор в 400 году, но в этом тексте дана другая дата — 310 год (третья сноска).

Следующий текст «Речей Финрода и Андрет», который, как я уже отметил, никак не озаглавлен в машинописных версиях (B и C), в рукописном варианте (A) следует без заголовка сразу за вступлением.

* * *

И вот вышло так, что однажды весной Финрод гостил в доме Белемира; и

* [Прим. к тексту] Около 409 года, во время Долгого Мира (260–455). В то время Белемир и Аданэль были уже стары по людским меркам — им обоим было около 70; но Андрет была еще в расцвете сил, ей еще не было 50 (48). Она была незамужней, как и многие Мудрые женщины у людей.

разговорился он с мудрой женщиной Андрет, и зашел у них разговор о людях и об их судьбах. Ибо незадолго до того (вскоре после праздника Середины зимы) скончался Борон, владыка народа Беора, и Финрод был опечален.

— Горестно мне видеть, Андрет, — говорил он, — что народ ваш уходит так быстро. Вот ушел Борон, отец Вашего отца; Вы говорите, что для человека он прожил долго, но я едва успел узнать его. На самом деле, мне кажется, что

** [Прим. к тексту] Ему было 93.

совсем недавно повстречал я Беора на востоке этого края, однако же он ушел,

*** [Прим. к тексту] В 310 г., примерно за 100 лет до того.

и сыновья его тоже, а вот теперь и сын его сына.

— С тех пор, как мы перешли Горы, — сказала Андрет, — прошло больше сотни лет. И Беор, и Баран, и Борон прожили за девяносто. Прежде, чем мы пришли сюда, мы уходили раньше.

— Значит, здесь вы счастливы? — спросил Финрод.

— Счастливы? — переспросила Андрет. — Человек не бывает счастлив. Уходить, умирать — всегда горестно. Но здесь мы увядаем не столь быстро — хоть какое-то утешение. Тень чуть-чуть рассеялась.

— Что Вы имеете в виду? — спросил Финрод.

— Вы ведь знаете! — ответила Андрет. — Тьму, что ныне прячется на Севере, но некогда…

Тут она осеклась, глаза ее потемнели — словно вспомнила черные годы, которые лучше не вспоминать.

— …Но некогда висела над всем Средиземьем, пока вы,

эльдар, благоденствовали за Морем.

— Не о Тени я спрашивал, — сказал Финрод. — Я хотел спросить, что Вы имеете в виду, когда говорите, что она чуть-чуть рассеялась? И причем здесь краткий век людей? Ведь мы знаем — от Великих, что учили нас, — что вы, люди, тоже Дети Эру, и ваша судьба и природа — от Него.

— Да, — сказала Андрет, — видно, в этом вы, Высшие эльфы, не отличаетесь от своих младших сородичей, кого мы встречали, скитаясь по миру, хоть вы и видели Свет. Все вы, эльфы, думаете, будто мы умираем быстро от природы. Будто мы хрупкие и недолговечные, а вы — могучие и бессмертные. В ваших легендах говорится, что мы — «Дети Эру», но мы и для вас — всего лишь дети. Вы нас, конечно, любите, но мы — низшие создания, и вы смотрите на нас сверху вниз, с высоты своей мощи и мудрости, и снисходительно улыбаетесь — или жалеете нас — или качаете головой.

— Да, Вы близки к истине, — вздохнул Финрод. — Это можно сказать про многих моих сородичей. Но не все так думают. Я так не думаю. Но поймите, Андрет — мы не в шутку зовем вас Детьми Эру: этим именем мы не шутим, и не поминаем его всуе. Мы говорим так, ибо знаем — а не потому, что так говорится в наших легендах. Мы считаем вас своими родичами, и родство наше (и в хроа, и в феа) теснее, чем общая связь, что объединяет нас со всеми прочими тварями, живущими в Арде, и этих тварей между собой.

Мы любим всех, кто живет в Средиземье, по мере их достоинства: зверей и птиц, что дружат с нами, и деревья, и даже прекрасные цветы, что увядают быстрее людей. Когда они уходят, мы тоже жалеем о них, но мы считаем, что это — часть их природы, такая же, как их рост или цвет.

Но о вас, наших ближайших родичах, мы скорбим куда сильнее. Но ведь в Средиземье все недолговечно, так почему же мы не можем думать, что и ваша краткая жизнь — часть вашей природы? Разве сами вы думаете иначе? Из Ваших слов, из горечи, что слышится в них, я понял, что Вы считаете, будто мы заблуждаемся.

— Да, государь, — сказала Андрет, — я думаю, что Вы заблуждаетесь, как и все, кто думает, как Вы, и что само это заблуждение — от Тени. Но что до людей… Одни говорят так, другие — иначе, а большинство, не задумываясь, верит в то, что мир всегда был таким, как теперь, в краткий миг их жизни, и останется таким навсегда, нравится им это или нет. Но есть такие, кто думает иначе. Люди зовут их «Мудрыми», но редко слушают их. Ибо они говорят неуверенно и часто противоречат

друг другу — они не владеют бесспорными знаниями, какими похваляетесь вы, эльфы; им поневоле приходится верить «легендам». Ведь из легенд истину (если она там есть) приходится вымолачивать, как зерно из снопа. А в обмолоченном зерне всегда остаются плевелы, а вместе с плевелами часто бросают на ветер и зерно.

Но в моем народе, от мудреца к мудрецу, через вековую тьму, передается предание, будто люди теперь не такие, как были раньше, и природа их не та, истинная, что была вначале. У мудрецов народа Мараха говорится об этом больше — они еще хранят в памяти имя Того, Кого вы зовете Единым, а мой народ почти забыл о Нем. Так учила меня Аданэль. У них ясно сказано, что люди недолговечны ***не от природы*** — их сделало такими коварство Владыки Тьмы, которого мы не именуем.

— Что ваши тела страдают по вине Мелькора, — сказал Финрод, — этому легко поверить. Ведь вы, как и мы, живете в Арде Искаженной, и Мелькор отравил все, что есть в Арде, прежде, чем мы пришли сюда, — а наши тела и наша пища принадлежат Арде. Быть может, лишь Амана не коснулась его рука — до тех пор, пока он не явился туда. Знайте, что и с нами, квэнди, дело обстоит так же: наше здоровье и сила убывают. Те из нас, кто всегда жил в Средиземье, и даже мы, что лишь недавно вернулись сюда, — все квэнди уже теперь чувствуют, что тела их меняются быстрее, чем вначале. И это кажется мне предвестием того, что они окажутся слабее, чем были задуманы, хотя пройдет еще много лет, прежде чем разрушение станет заметно.

Так же и хроа людей слабее, чем должны были быть. И потому здесь, на Западе, в землях, что меньше осквернены его владычеством, они, как Вы говорите, стали здоровее.

— Нет-нет! — воскликнула Андрет. — Вы меня не поняли. У Вас, государь, все одно на уме: эльфы есть эльфы, люди есть люди, Враг у нас общий, все мы от него страдаем, но черта все равно остается: с одной стороны — владыки, с другой — чернь, тут — Перворожденные, благородные и бессмертные, там — Пришедшие Следом, низкородные, полезные лишь на краткий срок.

Не об этом говорит нам голос, что дошел до Мудрых сквозь века тьмы. Нет, государь. Вот что говорят мудрецы людей: «Мы не созданы для смерти, мы рождены не затем, чтобы умирать. Смерть навязана нам». А знаете, как мы ее боимся? Мы вечно бежим от нее, как олень от охотника. Но мне кажется, что в этом мире нам ее не избежать — даже если бы мы достигли Света, что за Морем, Амана, о котором вы рассказывали нам. В надежде на это отправились мы в путь, и много поколений сменилось за

время пути, — но тщетной была надежда. Мудрые предупреждали нас, но это не остановило похода — я ведь говорила, что их редко слушают. И вот — мы бежали от Тени на край Средиземья, а она встретила нас здесь!

Наступило молчание. Наконец Финрод произнес:

— Вы говорите странные и ужасные вещи. И слова Ваши пронизаны горечью, словно кто-то оскорбил и унизил Вас, а Вы теперь стараетесь задеть того, с кем говорите. Если все мудрецы людей согласны с Вами, то я верю, что вам и впрямь причинили великое зло. Но ведь не мой же народ, Андрет, не квэнди виновны в этом. Если мы такие, как есть, а вы такие, какими мы застали вас — не наша в том вина, и мы не хотели этого. Мы не радуемся вашему горю, и вовсе не стремимся возвыситься над вами. Есть лишь один, кто говорит, что это не так — Враг, которого вы не именуете.

Берегитесь плевел в зерне, Андрет! Они ядовиты — это козни Врага, что из зависти норовит поссорить нас. Не все голоса, дошедшие из тьмы, говорят правду тем, кто жаждет вестей.

Но кто же причинил вам зло? Кто наслал на вас смерть? Ясно, что Вы говорите о Мелькоре — хотя, быть может, в ваших тайных преданиях он зовется иным именем. Ибо Вы говорите о смерти и его тени так, словно это одно и то же, словно уйти от тени значит избежать смерти.

Но ведь это не одно и то же, Андрет. Мне кажется, что это так — иначе в этом мире вовсе не было бы смерти, ведь его создал не Мелькор, а Иной. Нет, мы зовем смертью нечто, что Мелькор отравил — и от этого она кажется злом; но, если бы не он, она называлась бы другим, хорошим именем.

— Да что вы знаете о смерти? — воскликнула Андрет. — Вы не боитесь ее, ибо смерть неведома вам.

— Мы видели смерть, и боимся ее, — возразил Финрод. — Ведь мы, Андрет, тоже можем умереть; и мы уже умирали. Отец моего отца убит, и смерть его была ужасна, и немало изгнанников последовало за ним. Мы гибли во мраке, в беспощадных льдах, в ненасытных волнах. Мы гибли и в Средиземье — в дыму и пламени, от яда и от беспощадных клинков. Феанор мертв, и Финголфин растоптан ногами Моргота.

А для чего? Чтобы повергнуть Тень. А если это невозможно — хотя бы не дать ей расползтись по всему Средиземью: чтобы спасти Детей Эру, Андрет, всех детей, а не только гордых эльдар!

— А я слышала, — сказала Андрет, — что вы пришли отвоевать сокровище, что похитил у вас Враг. Но, быть может, дом Финарфина не заодно с сыновьями Феанора. А все же, как вы ни доблестны, я спрошу снова: «Что знаете вы о смерти?» Для вас

это больно, это горько, для вас это потеря — но лишь на время, для вас это малая частица, отсеченная от изобилия, если правда то, что я слышала. Ведь вы знаете, что после смерти не оставите мир и сможете вернуться к жизни.

А для нас все по-другому: умирая, мы умираем, уходим — и не возвращаемся. Смерть — это конец всему, невозвратная потеря. И она отвратительна, ибо ее навязали нам.

— Да, — кивнул Финрод, — теперь я вижу, в чем разница. Вы имеете в виду, что есть две смерти: одна — боль и потеря, но это не конец, а другая — конец, и конец необратимый, и что квэнди подвержены лишь первой?

— Да, — ответила Андрет, — но есть и другое различие. Та смерть — лишь нарушение законов мира. Тот, кто отважен, могуч или удачлив, может надеяться избежать ее. А наша смерть — неизбежна: это охотник, что всегда настигает добычу. Будь человек могуч, проворен или бесстрашен; будь он мудр или глуп; будь он злодеем или праведником; любит ли он этот мир, ненавидит ли — он все равно умрет и оставит его, и останется лишь падаль, которую люди торопятся зарыть или сжечь.

— И неужто у людей нет надежды избежать погони? — спросил Финрод.

— У них нет твердых знаний, — ответила Андрет, — лишь страхи да ночные сны. Надежда, говорите Вы? Надежда — это совсем другое, Мудрые не любят говорить о ней. Но, — тут голос ее потеплел, — авось, когда нибудь мы с Вами и сможем побеседовать об этом, владыка Финрод из дома Финарфина, высокородный и могущественный эльф.

— Авось и сможем, — согласился Финрод. — Но пока перед нами лишь страшные тени. Насколько я понимаю, разница меж эльфами и людьми — лишь в близости конца. В этом, и только в этом. Ибо если Вы думаете, что квэнди не ждет неизбежная смерть, Вы ошибаетесь.

Видите ли, никто из нас не знает будущего Арды (хотя, быть может, валар оно и ведомо). Мы не знаем, долго ли она простоит. Но ей не стоять вечно. Она сотворена Эру, но Его Самого в ней нет. А бесконечен лишь Единый. И потому и Арда, и самая Эа конечны. Мы, квэнди, появились на свет лишь несколько веков назад, и конец еще не близок. Быть может, и людям в молодости смерть кажется бесконечно далекой? Только мы уже прожили много лет, и о многом успели передумать. Но конец придет. Это знают все. И тогда мы умрем, и, похоже, исчезнем навеки, ибо мы, эльфы, принадлежим Арде и в хроа, и в феа. А что потом? Как Вы сказали? «Уйдем — и не вернемся; то будет конец всему, невозвратная потеря».

Наш охотник не спешит, но идет по следу, не отставая. Что будет вслед за днем, когда он настигнет и протрубит «Рази!» — об этом мы не знаем ничего. И о надежде нам никто никогда не говорил.

— Я не знала… — произнесла Андрет. — И все же…

— И все же наш охотник хотя бы не спешит — Вы это хотели сказать? Да, это так. Но я не уверен, что легче ждать неизбежного конца, зная, что он наступит не так скоро. Но, если я Вас правильно понял, вы, люди, не верите, что так было задумано изначально. В начале вы не были обречены на скорую смерть.

Об этом верование, истинно оно или нет, можно говорить долго. Но для начала я хочу спросить: как вы объясняете то, что случилось? Я спросил, правда ли, что вы возлагаете вину за это на Мелькора, и Вы согласились. Но теперь я вижу, что Вы имели в виду не естественное увядание, которое свойственно всему в Арде Искаженной, а некое особое зло, которое он причинил именно вашему народу, людям как таковым. Так ли это?

— Так и есть, — кивнула Андрет.

— Тогда это в самом деле чудовищно, — сказал Финрод. — Мы знаем Мелькора- Моргота, знаем, как он могуч. Я сам видел его, я слышал его голос; тьма ослепила меня — я был в самом сердце его тени, о которой Вы, Андрет, знаете лишь по слухам да по преданиям вашего народа. Но даже во тьме не верили мы, что он способен одолеть Детей Эру. Он может запугать одного, развратить другого; но переменить судьбу целого рода Детей, лишить их наследия, дарованного Эру, вопреки Его воле… — если он способен на такое, он куда больше и ужаснее, чем казалось нам! Тогда вся доблесть эльфов — тщета и безумие! Да что там — тогда и сам Валинор с горами Пелори выстроен на песке!

— Вот видите! — воскликнула Андрет. — Говорила я Вам, что вы, эльфы, не знаете смерти. Смотрите! Стоило Вам лишь подумать о ней, и Вы уже впали а отчаяние — а ведь мы не только думаем о ней всю жизнь, нас она ждет на самом деле. Вы, эльфы, можете не знать, но мы-то знаем, что Неназываемый — Владыка Мира, и что ваша доблесть безумна, и наша тоже, — во всяком случае, бесплодна.

— Осторожней! — прервал ее Финрод. — Берегитесь, как бы не сказать того, чего нельзя говорить, а не то смешаете Эру и Врага — а он будет рад этому. Владыка Мира — не он, но Единый, что сотворил его, Наместник же Единого — Манвэ, Манвэ благословенный, верховный король Арды.

Нет, Андрет. Утратить разум и память; поклоняться, ненавидя; бежать, не смея отвергнуть; любить тело — и презирать

его, считая падалью — это, воистину, от Моргота. Но обречь на смерть бессмертных, отцов и детей, оставив им воспоминания об утраченном наследии и тоску по нему — способен ли Моргот на такое? Нет, говорю я Вам. И потому я утверждаю, что, будь ваша повесть правдива, вся Арда — тщета, от пика Ойолоссэ до самых бездонных глубин. Но я не верю Вам. Такое не под силу никому, кроме Единого.

И потому я спрашиваю, Андрет: что сделали вы, вы, люди, в те далекие годы, покрытые мраком? Чем прогневили вы Эру? Ибо, если это не так, все ваши предания — не более, чем мрачные сны, навеянные Черным духом. Откроете ли Вы мне то, что знаете или слышали?

— Не открою, — ответила Андрет. — Мы не говорим об этом с чужими. Но Мудрые и в самом деле колеблются и противоречат друг другу, ибо, что бы ни случилось в те давние годы, мы бежали оттуда; и мы старались забыть, так долго старались забыть, что теперь не помним тех дней, когда мы были другими — остались лишь легенды о временах, когда смерть приходила не так скоро и мы жили гораздо дольше; но смерть была уже тогда.

— Вы совсем ничего не помните? Быть может, есть все же предания о тех днях, когда смерти еще не было, только чужим вы их не рассказываете?

— Может быть, — ответила Андрет. — У моего народа их нет, но, быть может, в народе Аданэли…

И она умолкла, глядя в огонь.

Наконец Финрод нарушил молчание.

— А как Вы думаете, кто-нибудь еще это знает? Знают ли об этом валар?

Андрет взглянула на него — глаза ее потемнели.

— Валар? — переспросила она. — А откуда мне это знать? Откуда это знать людям? Ваши валар не тревожили нас ни заботами, ни * просвещением. Нам они призыва не посылали.

— Да что вы знаете о них? — воскликнул Финрод. — Я видел их, я жил рядом с ними, я зрел лица Манвэ и Варды, озаренные Светом. Не говорите так о них, и ни о чем, что выше Вас. Такие речи [берут начало в устах Лжеца].[от Лукавого]

Приходило ли Вам на ум, Андрет, что, быть может, в те незапамятные времена вы сами лишили себя их забот и помощи? А может быть даже, что они не могли править вами, детьми людей — ибо вы были выше этого? Я вовсе не льщу вашей гордыне, я говорю, что думаю: вы были выше этого. Хозяева своей судьбы в Арде, свободные под рукой Единого. А потому думайте, что говорите! И если вы не хотите поведать другим о своем горе и как это вышло, берегитесь, как бы вам не ошибиться в природе

недуга, подобно неискусным лекарям, и в гордыне своей не свалить вашу вину на других.

Но раз Вы не желаете рассказывать мне об этом, поговорим о другом. Мне хотелось бы знать, какими вы были до того, как это случилось? Я не понимаю многого из того, о чем Вы говорили. Вы сказали: «Мы созданы не для смерти, мы рождены не затем, чтобы умирать». Что Вы имели в виду: что вы, люди, были такими же, как мы, или что-то другое?

— В преданиях о вас ничего не говорится, — ответила Андрет. — Мы тогда еще ничего не знали об эльдар. Мы знали только о смерти и бессмертии. О жизни долгой, как мир, но не дольше, мы никогда не думали, — на самом деле, я сейчас впервые слышу об этом.

— По правде говоря, — сказал Финрод, — я решил, что ваше поверье, будто вы не созданы для смерти — всего лишь мечты, порожденные гордыней, завистью к квэнди и стремлением сравняться с ними и превзойти их. Но Вы говорите, что это не так. Да, но ведь вы же встречали квэнди задолго до того, как пришли в эти земли, и со многими вы подружились. Разве тогда вы еще не были смертны? И разве вы не беседовали с ними о жизни и смерти? Да ведь они, наверно, и без объяснений узнали, что вы смертны — а вы обнаружили, что они не умирают.

— Это и в самом деле не так, — ответила Андрет. — Может быть, мы были смертны, когда впервые повстречались с эльфами, а может, и нет, — в преданиях об этом не говорится, по крайней мере, в тех, что известны мне. Но у нас были свои предания, нам не было нужды учиться у эльдар: мы знали, что изначально были рождены, ***чтобы никогда не умирать***. А это, государь мой, означает: рождены для вечной жизни, жизни без конца.

— А задумывались ли ваши мудрецы над тем, какую странную природу приписывают они атани?

— Странную? — переспросила Андрет. — Разве? Многие из Мудрых полагают, что по природе ничему живому не свойственно умирать.

— На это эльдар сказали бы, что они заблуждаются. Нам ваши верования кажутся странными, и принять их трудно — по двум причинам. Вы утверждаете — если только Вы вполне понимаете, что Вы сказали, — что у вас были бессмертные тела, не скованные пределами Арды, хотя созданные из ее вещества и питающиеся им же. И еще Вы утверждаете (хотя этого Вы сами могли и не заметить), что ваши хроа и феа с самого начала не были в согласии меж собой. А мы считаем, что согласие хроа и феа присуще истинной, неискаженной природе всех Воплощенных, Мирроанви, как зовем мы Детей Эру.

— Первое я вижу, — сказала Андрет. — На это у наших мудрецов есть ответ. Но второго я и в самом деле не заметила.

— В самом деле? Значит, вы, люди, плохо себя знаете. Впрочем, часто бывает, что друзья и родичи видят в тебе многое, чего ты сам не замечаешь. Ведь мы, эльдар, ваши родичи — и друзья тоже, верите вы этому или нет. Мы знаем уже три поколения людей, и познавали вас с любовью и вниманием, и мы много думаем о вас. И в одном мы все сходимся и уверены — или вся мудрость наша тщетна: феа людей похожи, очень похожи на феа квэнди — но все же они иные. Нам это кажется странным, но мы ясно видим, что феа людей, в отличие от наших, не привязаны к Арде, и не Арда их дом.

Можете ли Вы оспаривать это? Нет, мы, эльфы, знаем, что вы (поскольку вы свободны от Тени) тоже любите Арду и все, что в ней, и любите, быть может, не меньше нашего. Но по-иному. Наши народы видят Арду каждый по-своему, и неодинаково ценят ее красоту. Как же это объяснить? Представьте себе двоих людей. Один из них приехал в чужую страну и ненадолго поселился там, но всегда может покинуть ее, а другой всю жизнь живет в этой стране и не имеет права уехать оттуда. Для первого все вокруг ново, необычно — и потому желанно и привлекательно. А для второго все здесь знакомое, единственное, свое — и оттого драгоценное.

— То есть Вы хотите сказать, что люди здесь гости, — заметила Андрет.

— Вы сами это сказали, — ответил Финрод, — мы вас так и зовем.

— Высокомерно, как всегда. Но если мы, как Вы говорите, всего лишь гости в стране, что принадлежит вам, господа мои, скажите мне, какие же иные страны и земли мы знаем?

— Это Вы у меня спрашиваете? — воскликнул Финрод. — Откуда же нам это знать, раз вы сами того не ведаете? Но известно ли Вам, что эльдар говорят о людях? Они говорят, что им не нужны вещи как таковые, что если они изучают что-нибудь, то лишь затем, чтобы познать что-то еще, и если они любят что-нибудь, то лишь потому, что эта вещь словно напоминает им о чем-то другом, что было им еще дороже. С чем же вы сравниваете? Где все это?

Мы, эльфы и люди, происходим от Арды и из Арды, и людям, казалось бы, может быть известно лишь то, что есть в Арде. Откуда же эти воспоминания, которыми вы обладаете, еще не успев ничего познать?

Это не потому, что вы пришли с другого края Арды. Мы тоже много странствовали. Но если бы мы с Вами отправились на

восток и достигли тех мест, откуда вы родом, я все равно знал бы, что я у себя дома, а Вы продолжали бы дивиться и сравнивать все с чем-то иным, как те люди, которые родились здесь, в Белерианде.

— Странные вещи говорите Вы, Финрод, — задумчиво произнесла Андрет. — Я никогда не слышала ничего подобного. Однако сердце у меня встрепенулось, словно Вы напомнили мне какую-то истину, знакомую, хотя и непонятную. Но такие воспоминания являются и исчезают прежде, чем успеешь уловить их — и вот мы снова слепы. Но те из нас, кто знает эльдар и, наверно, любит их, говорят: «В глазах эльфов нет усталости». Мы заметили, что эльфы не понимают людской поговорки: «Что часто видишь, того не замечаешь». Эльфам кажется странным, что в языке людей одно и то же слово может означать «давно знакомый» и «надоевший».

Мы думали, что это лишь потому, что эльфы долго живут и не теряют сил. Мы, гости, часто зовем вас «большими детьми», государь мой. И все же — и все же, если все в Арде приедается нам, и все прекрасное тускнеет, что из того? Разве это не от Тени, что омрачает наши души? Или Вы скажете, что это не так, что это было свойственно нам от природы, еще до того, как нас покалечили?

— Скажу, — подтвердил Финрод. — Быть может, Тень омрачила ваше беспокойство, испортив его усталостью и обратив в пренебрежение, но беспокойство это, по-моему, владело вами с самого начала. А если это так, разве Вы не видите здесь противоречия, о котором я говорил? Если, конечно, ваши мудрецы согласны с тем, что каждый из Мирроанви есть союз тела и души, хроа и феа — или, образно выражаясь, Дома и Жильца.

Ибо что такое ужасная для вас смерть, если не разлука хроа и феа? И что такое утраченное вами бессмертие, если не неразрывность этого союза?

Но что же такое Человек? Союз Жильца, что лишь гость здесь, в Арде, и предназначен не для нее, и Дома, созданного из вещества Арды и потому, надо полагать, неразрывно связанного с ней. Можно ли надеяться, что Дом просуществует дольше Арды, которой он принадлежит? Но ведь Вы утверждаете, что и Дом был бессмертен, не так ли? Мне проще было бы поверить, что такая феа в свое время по доброй воле и естественным образом оставляла бы дом — хотя, наверное, жила бы здесь дольше, чем ей дозволено теперь. Тогда и «смерть», как я и говорил, казалась бы вам чем-то другим: освобождением… — нет, возвращением: возвращением домой! Но Вы, похоже, не верите в это?

— Нет, не верю, — ответила Андрет. — Это презрение к телу. Такое идет от Тьмы. Это противоестественно для неискаженных Воплощенных, ибо их жизнь — союз души и тела, союз по любви. Тело — не постоялый двор, где проезжий ночует, чтобы утром уступить его другому и отправиться дальше. Это дом, он построен для одного хозяина. Это не только дом, это и одежда — и не только одежда сшита по хозяину, но и хозяин подогнан по одежде.

И потому я считаю, что разлука души и тела не может быть свойственна истинной природе человека. Вот если бы для тела было «естественно» оставаться пустым и умирать, а для феа — продолжать жить без тела, это в самом деле было бы противоречием, и природа человека не была бы основана на взаимной любви его частей. Тело было бы в лучшем случае помехой, или даже оковами, а отнюдь не даром. Но ведь есть лишь один, кто создает оковы и помехи, и если бы наша природа была такой изначально, это значило бы, что это он создал нас такими, а Вы говорили, что такого даже произносить нельзя.

Увы! Люди, живущие во тьме, именно это и говорят — но не атани, как тебе известно. Я считаю, что в этом мы подобны вам, истинно Воплощенным, и что нашим истинным и полным бытием можно назвать лишь любовь и согласие между Домом и Жильцом. И оттого смерть, разлучающая их, — катастрофа для обоих.

— Чем дальше, тем больше Вы удивляете меня, Андрет, — сказал Финрод. — Ведь если этому верить, тогда… тогда феа, что лишь странница здесь, в Арде, связана нерасторжимым браком с хроа из Арды, и разлука для них мучительна, но при этом оба должны следовать своему естеству, не подавляя друг друга. А это значит, что феа, уходя отсюда, должна забрать с собой хроа. А ведь это означает, не больше не меньше, что феа сможет вознести хроа, своего вечного супруга и спутника, к вечной жизни за пределами Эа, за пределами Времени! А через это Арда — хотя бы часть ее — могла бы не только исцелиться от порчи Мелькора, но даже освободиться от пределов, положенных ей в «Видении Эру», о котором говорят валар!

Если этому верить, воистину великими были люди под рукой Эру, и падение их — ужаснейшее из всех преступлений.

Так вот с чем людские феа сравнивают все, что видят, — видение замысла завершенной Арды, где все живые твари, и даже земли и моря, бессмертны и нерушимы, вечно прекрасны и вечно новы? А может, есть где-то иной мир, а все, что видим и знаем мы, эльфы и люди, лишь знаки, напоминания о нем?

— Думается мне, что если он есть, то лишь в замыслах Эру, — ответила Андрет. — Но откуда знать ответы на такие

вопросы нам, блуждающим во мгле Арды Искаженной? Не изменись мы — быть может, все было бы иначе; но оттого, что мы стали такими, как есть, даже наши мудрецы мало думают о самой Арде и о прочих ее жителях. Мы думаем прежде всего о себе: о том, что хроа и феа могли бы вечно жить вместе в радости, и о непроницаемой тьме, что ожидает нас теперь.

— А, значит, не одни Высшие эльфы пренебрегают своими родичами! Но, знаете, теперь и у меня, как у Вас только что, сердце встрепенулось, словно радуясь благим вестям.

Так вот зачем пришли люди — не последыши, а наследники, завершающие начатое, — выправить Искажение Арды, предвиденное прежде, нежели были они замышлены, и более того — явить величие Эру, возвысить Песнь и превзойти Видение Мира!

Ибо Арда Исцеленная будет выше Арды Неискаженной — и все же это будет именно Арда Неискаженная! Мне доводилось беседовать с валар, что слышали, как создавалась Песнь, бывшая прежде бытия Мира. И вот я думаю: расслышали ли они конец Песни? Быть может, они, оглушенные последним аккордом Эру, упустили что-то, что прозвучало в нем или вслед за ним?

А потом, ведь Эру свободен — так, быть может, он не довел Песнь и Видение до конца? А что потом — этого мы, валар, эльдар и люди, не увидим и не узнаем, пока не достигнем того мига.

Ведь часто бывает, что хороший рассказчик скрывает самое важное в своей повести, пока дело не дойдет до него. Конечно, те, кто внимательно слушал и всей душой сочувствовал повести, могут догадаться, но этому рассказчик только рад: это не портит новизны и изумления — ведь так мы словно сами участвуем в создании повести. А если бы заранее знать, чем кончится, это бы все испортило!

— Так что же, по-вашему, это самое главное, что Эру сокрыл от нас? — спросила Андрет.

— Ах, моя мудрая госпожа! — воскликнул Финрод. — Я ведь эльда, я снова думал о своем народе. Хотя нет, не только — обо всех Детях Эру. Я думал, что Вторые Дети могли бы избавить нас всех от смерти. Мы говорили о смерти как о расторжении союза, а я все время думал о другой смерти, когда гибнут и душа, и тело. Ибо разум говорит, что нас ожидает именно это: когда Арда завершится, ей придет конец, а с нею — и всем нам, детям Арды; конец — это когда все долгие жизни эльфов останутся, наконец, в прошлом.

И вдруг мне явилось видение Арды Возрожденной: вечное настоящее, где могли бы жить эльдар, совершенные, но не

завершенные, жить и бродить по земле, рука об руку с Детьми Людей, своими избавителями, и петь им такие песни, от которых звенели бы зеленые долы, и вечные горные вершины пели, словно струны арфы, даже в том Блаженстве, превысшем всех блаженств.

Андрет взглянула на Финрода исподлобья.

— Но нельзя же все время петь? — спросила она. — А о чем бы вы говорили с нами?

— О, — рассмеялся Финрод, — здесь я могу лишь гадать! Знаете, мудрая госпожа, я думаю, мы рассказывали бы вам истории о Прошлом, о той Арде, что была прежде, и об опасностях, и о великих деяниях, и о сотворении Сильмариллов! О тех временах, когда мы были владыками! Но тогда — тогда уже вы чувствовали бы себя дома и считали все вокруг своим. «У эльфов такой взгляд, словно они все время что-то вспоминают», — говорили бы вы. Но вы знали бы, о чем мы вспоминаем — о тех днях, когда мы впервые узнали друг друга, и наши руки встретились во тьме. После Конца Мира мы больше не изменимся — ибо мы ничего не забываем: с каждым веком это все заметнее. Боюсь, тяжелая это будет ноша; но во Дни, о которых мы говорим, она станет великим богатством…

Тут он умолк, ибо заметил, что Андрет беззвучно плачет.

— Ах, государь мой! — проговорила она. — Что же делать теперь? Ведь мы говорим, словно все так и есть, или непременно будет. Но ведь люди пали и утратили свою мощь. Не дождаться нам Арды Возрожденной: перед нами — тьма, и мы тщетно вглядываемся в нее. Если мы должны были помочь возвести для вас вечные чертоги — значит, не бывать этому.

— И надежды у вас нет?

— Что такое надежда? Когда ждешь чего-то хорошего, и знаешь, что оно может не сбыться, но может и сбыться, ибо есть основания тому? Нет у нас такой надежды.

— Есть две надежды, — ответил Финрод. — То, что зовут «надеждой» люди, мы называем «амдир», «взгляд вперед» (букв. «взгляд вверх»). Но есть еще другая надежда, ее основания — глубже. «Эстэль», «вера», зовем мы ее. Никакие события в Мире не могут поколебать ее, ибо она зиждется не на опыте, но на нашем естестве и изначальном бытии. Ибо если мы воистину Эрухини, Дети Единого, Он не позволит лишить Себя Своего достояния — не позволит ни Врагу, ни даже нам самим. Вот первооснова эстэль, и мы не теряем ее даже в предвидении Конца: что все Его замыслы неизменно ведут к радости Его детей. Вы говорите, того, что зовется «амдир», у вас нет. Неужели и того, что зовется «эстэль», не осталось?

— Может, и осталось, — сказала она. — Но как же Вы не

понимаете? Ведь наша эстэль колеблется, и основания ее потрясены — это часть нашего недуга. А правда ли, что мы — Дети Единого? Быть может, Он совсем отрекся от нас? А может, мы и не Его дети? Не Безымянный ли Владыка Мира?

— Об этом даже спрашивать нельзя! — воскликнул Финрод.

— Но и молчать нельзя тоже, — возразила Андрет, — иначе не понять Вам всей глубины нашего отчаяния. По крайней мере, большинства людей. А что до атани, как зовете нас вы — Ищущих, как зовем мы себя сами, тех, кто оставил земли отчаяния и людей тьмы, и в тщетной надежде отправился на запад… Мы-то верим, что исцеление еще возможно, есть какой-то выход. Но эстэль ли это? Это, скорее, амдир — но необоснованный: просто бегство во сне, а пробуждение известно — не избежать нам тьмы и смерти…

— «Просто бегство во тьме», говорите Вы… — промолвил Финрод. — Во сне открываются многие желания; а желание может быть последним проблеском эстэль. Но Вы, Андрет, говорите не о сне. Вы путаете «сон» и «пробуждение» с «надеждой» и «верой». Первое сомнительно, второе вернее. Что, люди лишь во сне говорят о выходе и исцелении?

— Во сне ли, наяву ли, ничего определенного они не говорят, — ответила Андрет. — Когда придет исцеление? Как это произойдет? Какими станут те, кто исцелится? Что будет с нами, с теми, кто уйдет во тьму, не успев получить исцеления? На эти вопросы могли бы попытаться ответить лишь люди «Древней Надежды», как они себя называют.

— Люди «Древней Надежды»? — переспросил Финрод. — А кто это?

— Их немного, — ответила она, — но с тех пор, как мы пришли сюда, их стало больше — они увидели (или им так кажется), что Безымянному можно противостоять. Но это еще не причина. Противостоять-то ему можно, но его былых злодеяний этим не исправишь. Тем глубже будет их отчаяние, если доблесть эльдар не устоит. Ибо древняя надежда основана не на мощи людей или других народов Арды.

— А на чем? — спросил Финрод. — Что это за надежда, Вы не знаете?

— Говорят, — ответила Андрет, — говорят, будто Единый сам вступит в Арду и исцелит людей и все Искажение, с начала до конца. Говорят еще, — а может, выдумывают, — что эти слухи ведут начало с незапамятных времен, со дней нашего падения, и дошли до нас через бессчетные годы.

— Говорят? Выдумывают? Вы что, не верите этому?

— Трудно этому верить, государь. Это ведь противоречит

здравому смыслу. Кто такой Единый, Которого вы зовете Эру? Оставим тех людей, что служат Безымянному — хотя их много в Средиземье. Большинство остальных считают, что мир есть война между Светом и Тьмой, обладающими равной силой. Но Вы скажете: нет, это Манвэ и Мелькор, а Эру выше их. Значит, Эру — величайший из валар, великий бог среди прочих богов (так говорят многие, даже среди атани), король, что живет вне своего королевства и дозволяет вельможам делать что вздумается? Нет, говорите Вы, Эру — Единый, и равных Ему нет, Он сотворил Эа, а сам — вне ее; валар могущественнее нас, но немногим ближе к Его величию. Не так ли?

— Так, — кивнул Финрод. — Мы так говорим. Мы знаем валар, и все они говорят то же самое — все, кроме одного. Но, как Вы думаете, кто больше похож на лжеца — те, кто смирен, или тот, кто стремится возвыситься?

— Я не сомневаюсь на этот счет, — ответила Андрет. — И потому все эти речи о Надежде не укладываются у меня в голове. Как может Эру войти в то, что Сам создал, в то, что неизмеримо меньше Его? Как может певец войти в песню или художник в картину?

— Он уже присутствует в ней, так же, как и вне ее, — заметил Финрод. — Но и впрямь: присутствовать и жить на самом деле — это разные вещи.

— Вот именно, — сказала Андрет. — Эру, конечно, присутствует в Эа, которую он создал. Но те люди говорят, будто бы ***Он Сам войдет*** в Арду, а это совсем другое дело. Как это возможно, ведь он же больше? Не разрушит ли это Арду, да и всю Эа?

— Не спрашивайте, — сказал Финрод. — эльдар не дано постичь этого; а может, и валар тоже. Но, знаете, мне кажется, мы запутались в словах. Когда Вы говорите «больше», Вы мерите мерками Арды, где больший сосуд не может войти в меньший.

Но ведь это нельзя применять к Неизмеримому. Если бы Эру захотел, Он непременно нашел бы путь — не знаю, какой именно. Понимаете, мне кажется, что, если бы Он Сам вошел в Арду, Он все равно остался бы тем, что Он есть — Творцом вне картины. И в то же время, Андрет, если без гордости — не могу я представить, как иначе можно исцелить этот мир. Не позволит же Эру Мелькору подчинить мир своей воле и восторжествовать над всем. Но я не могу представить себе никого сильнее Мелькора — кроме самого Эру. И потому, если Эру не оставит Свое творение Мелькору — а иначе Мелькор непременно станет Властелином Мира — Ему придется Самому войти сюда, чтобы повергнуть его.

Более того — даже если Мелькор (Моргот, каким он стал

ныне) все же будет повержен и изгнан из Арды, Тень его все равно пребудет, и зло, что он породил и рассеял, станет расти и множиться. Так что если есть какое-то исцеление, новый свет, что рассеет тьму, лекарство, что залечит раны прежде, чем все кончится, — оно, думается мне, должно прийти извне.

Андрет изумленно вскинула глаза.

— Так Вы, государь, верите этой Надежде?

— Ах, не спрашивайте! — ответил он. — Для меня ведь это всего лишь чудные вести издалека. Квэнди никто никогда не говорил о такой надежде. Она послана лишь вам, людям. Но от вас о ней можем услышать и мы, и она озарит наши сердца.

Он помолчал, а потом, серьезно взглянув на Андрет, добавил:

— Да, Мудрая, быть может, так было предрешено — чтобы мы, квэнди, и вы, атани, прежде, чем мир успеет состариться, встретились и принесли вести друг другу, и чтобы мы узнали от вас о Надежде. Воистину, так было предрешено, чтобы мы с тобой, Андрет, сидели и беседовали здесь у огня, через пропасть, что разделяет наши народы, — чтобы нам не так бояться Тени, нависшей на Севере.

— Через пропасть, что разделяет наши народы! Неужели нет моста, одни только слова?

И Андрет снова расплакалась.

— Может, и есть, — промолвил он. — Для немногих. Не знаю. Наверно, пропасть разделяет лишь наши судьбы, ведь в остальном мы так похожи друг на друга — больше всех остальных тварей земных. Но опасно переходить пропасть, проложенную роком, и те, кому это удастся, не радость обретут на той стороне, но печали обоих народов. Так кажется мне.

Но почему же ты говоришь «одни только слова»? Разве не слова преодолевают пропасть меж двумя живущими [этой и той жизнью]? Разве мы с тобой обменялись лишь пустыми звуками? Неужели мы ничуть не сблизились? Хотя, боюсь, тебе в этом мало утешения.

— Я не просила меня утешать, — ответила Андрет. — Почему бы мне нуждаться в утешениях?

— Ты женщина, — сказал Финрод, — и судьба людей коснулась тебя. Думаешь, я не знаю? Ведь он мой брат, и я люблю его. Аэгнор — Айканар, Ярое Пламя, резвый и пылкий… Совсем недавно узнали вы друг друга, и руки ваши встретились во тьме. Но тогда, в то утро, на высоких холмах Дортониона, ты была юной девой, отважной и пылкой…

— Что же Вы молчите? Продолжайте! «А теперь ты всего лишь одинокая мудрая женщина, и старость, что не коснется его, уже тронула инеем твои волосы»! Только не говорите мне «ты» —

некогда он говорил мне это!

— Ах! — сказал Финрод. — Так вот откуда горечь, что звучала в Ваших речах, милая аданэт, дочь людей? Да, конечно, если бы я стал утешать Вас, Вы увидели бы в этом лишь высокомерие — я ведь по эту сторону роковой пропасти. Но что я могу сказать? Лишь напомнить Вам о надежде, которую Вы сами только что открыли мне…

— Я не говорила, что надеюсь на это, — возразила Андрет. — Но даже если и так, я не могу не плакать: ну почему это случилось здесь и сейчас? Почему мы любим вас, а вы любите нас (или делаете вил, что любите) — и все-таки отгораживаетесь от нас пропастью?

— Потому что мы так устроены, хоть и близкие родичи, — вздохнул Финрод. — Но не мы, эльдар, сделали себя такими, и не мы разверзли эту пропасть. Нет, аданэт, мы не высокомерны — нам просто жаль вас. Это тебе тоже не понравится. Но ведь жалость бывает разная: можно жалеть того, кто близок тебе — эта жалость сродни любви, а можно — гордясь тем, что твоя судьба иная, — это сродни высокомерию. Я говорю о первой.

— Не надо! — воскликнула Андрет. — Не нужна мне ваша жалость — никакая. Я была молода, и зажглась его пламенем, а теперь я стара и одинока. Он был юн, его пламя охватило меня — но он отвернулся, и по-прежнему юн. Разве свечки жалеют мотыльков?

— А разве мотыльки жалеют свечки, когда их задует ветром? Знай, аданэт, Айканар, Ярое Пламя, любил тебя. Ради тебя не возьмет он невесты из своего народа и останется один до конца. Вечно вспоминать ему то утро на холмах Дортониона. Но скоро дохнет Северный Ветер, и пламя его потухнет! Эльдар дано провидеть многое в ближайшем будущем, хотя провиденье это редко бывает в радость [не радость провидят они]. И я говорю тебе: долго проживешь ты, по меркам твоего народа, он же уйдет прежде тебя, и не захочет возвращаться.

Андрет встала и протянула руки к огню.

— Но почему же он отвернулся? Почему оставил меня — ведь я была молода, у меня было еще несколько лет?!

— Увы! — вздохнул Финрод. — Боюсь, правда не утешит тебя. Мы с вами разные; и каждый народ судит по себе — кроме тех, кто знает, как на самом деле, а это дано немногим. Сейчас война, Андрет, а в такое время эльфы не женятся и не рождают детей; они готовятся к смерти — или к бегству. Аэгнор, как и я, не верит, что осада Ангбанда долговечна. А когда она падет, что станет с этой землей? Послушайся Аэгнор своего сердца, он взял бы тебя и сбежал — на восток, на юг, — куда глаза глядят, бросив

и своих, и твоих родичей. Любовь и верность удержали его. А тебя? Ты ведь сама говорила, что в пределах мира бежать некуда.

— За один год, за один день этого пламени я отдала бы все: и родичей, и юность, и самую надежду: я — аданэт, — молвила Андрет.

— Он знал это. И он отступил, и не принял того, что шло ему в руки: он — эльда. Ибо подобные сделки искупаются такой болью, какой и представить нельзя, пока она не поразит тебя; и эльдар считают, что они заключаются скорее по неведению, нежели из отваги.

Нет, аданэт, если Рок и допустит брак меж нашими народами, то лишь ради некоей высшей цели. И краток будет брак тот, и конец его будет печален. Да, наименее жестокий конец его — скорая смерть для обоих.

— Но конец всегда жесток — для людей, — возразила Андрет. — Я не стала бы тревожить его, утратив юность. Не стала бы я путаться у него под ногами, не имея сил бежать вровень с ним!

— Может быть, — сказал Финрод. — Или Вам так кажется. А о нем Вы подумали? Ведь он не бросил бы тебя. Он остался бы с тобой, поддерживать тебя. И никуда б тебе не деться от его жалости, ежедневной, ежечасной. Разве мог он так унизить тебя?

Пойми, Андрет-аданэт, эльдар во многом живут памятью и хранят любовь в воспоминаниях. И любой из нас (если не из вас) предпочтет прекрасное, хотя и незавершенное воспоминание омраченному горестным концом. Он всегда будет вспоминать тебя, озаренную утренним солнцем, и тот последний вечер на берегу Аэлуина — твое лицо отражалось в воде, и звезда вплелась в твои волосы, — всегда, пока Северный Ветер не угасит его пламя. И потом, у Мандоса, в Чертогах Ожидания, до самого конца Арды.

— А что вспоминать мне? — сказала она. — И в какие чертоги уйду я? Во тьму, где угаснет даже память о яром пламени? Даже память о разлуке. Даже это…

Финрод вздохнул и встал.

— Эльфы не ведают слов, исцеляющих подобные мысли, — сказал он. — Но разве хотели бы Вы, чтобы эльфы и люди никогда не встречались? [Неужели свет пламени — которого Вы никогда бы не увидели — ничего не стоит,] Ведь иначе не увидели бы Вы этого пламени — так неужто свет его ничего не стоит, даже теперь? Вы думаете, он презрел Вас? Отриньте эту мысль, ибо она из Тьмы — и тогда беседа наша не пропадет втуне. Прощайте!

В комнате стемнело. Лишь пламя очага освещало ее. Финрод пожал Андрет руку.

— Куда Вы теперь? — спросила она.

— На Север, — ответил он. — К мечам, на стены — на осаду. Чтобы в реках Белерианда струились чистые воды, чтобы распускались листья и птицы вили гнезда, — хотя бы еще немного, пока не наступила Ночь.

— И он тоже там? Высокий, светлый, и ветер играет его кудрями… Скажите ему… Скажите, пусть бережет себя. Пусть не ищет опасности без нужды.

— Я скажу ему, — молвил Финрод. — Но это все равно, что просить тебя не плакать. Он воин, Андрет, и гневен дух его. Он рубится так, словно перед ним — сам Враг, что давным-давно нанес тебе эту рану.

Но вы рождены не для Арды. И там, куда вы уйдете, вы, быть может, обретете свет. Жди нас там, моего брата — и меня.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) С этим можно сравнить отрывок из Спора валар в «Законах и обычаях», где Ниенна говорит Манвэ: «Смерть-разлучница может настичь эльдар даже в твоем королевстве, но одно не приходит сюда, и никогда не придет — разрушение и тление», и примечание к этому месту: «Но оно все же пришло — после гибели Деревьев, пока Мелькор не ушел оттуда; и тело Финвэ, убитого Мелькором, истлело и рассыпалось прахом, и сами Деревья увяли и засохли».

(2) Здесь, и еще в нескольких случаях (но не везде) в тексте «квэнди» исправлено на «эльфы».

(3) «Меняются» — исправление в тексте B (и только там); в рукописи «растут».

(4) Ср. то, что Пенголод говорит Эльфвинэ о смертности людей в конце «Айнулиндалэ»: «Смерть — их судьба, дар Илуватара, и с течением времени даже Могущества позавидуют ему. Но Мелькор омрачил ее своей тенью, и окутал мраком, и обратил добро во зло, и надежду в страх».

(5) В рукописи было: WHAT DO Y E KNOW OF DEATH? Y E DO NOT FEAR IT, BECAUSE Y O U DO NOT KNOW IT. (выделено мной — А.Х.) Машинистка, печатавшая текст C, переменила первое «уе» на «уоU»; отец оставил это, но исправил «YOU» на «уе». На первой странице машинописного текста он сделал приписку, что «уе» обозначает только множественное число, а с помощью местоимения «YOU» «передается эльфийская форма вежливого обращения», в то время как «THOU, THEE» «передают дружеское, ласковое обращение». Это различие не всегда соблюдается в рукописи, но во многих случаях употребление «YOU» вместо ожидаемого «уе» могло быть намеренным, и я вносил

исправления лишь там, где ошибка кажется очевидной.*

* 1) В переводе «уе» передается формой «вы», а «YOU» — «Вы», «Ваш» и т. п., хотя обычно такие формы в русском языке употребляются только в письмах. 2) Форма «YOU» (возникшая из формы винительного падежа) употребляется также в значении винительного падежа, например: WE NAME YOU «CHILDREN OF ERU» (по смыслу «уе», «вас, людей»). — Прим. перев.

(6) Странная ошибка. Финголфин погиб в 456 г., на следующий год после Дагор Браголлах.

(7) Ср. «Законы и обычаи»: «Они [эльдар] верят, что новая феа (а значит, изначально и все феа) приходит прямо от Эру, из-за пределов Эа. И потому многие из них считают, что нельзя утверждать, будто судьба эльфов навеки ограничена пределами Арды и должна окончиться вместе с ней».

(9) Здесь явно делается упор на различие между «уе» («вы», мн.ч.) и «YOU» («Вы», ед.ч.); см. прим. 5.

(10) В рукописи и в обоих машинописных текстах «Мирруйайнар». В тексте B отец в этом месте исправил на «Мирройайнар», но во втором случае оставил; в C он исправил на «Мирроанви» в обоих случаях. См. «Словарь» к «Атрабет».

(11) На полях рукописи (и в C) рядом с этим абзацем написано: «В Музыке Эру лишь люди появились после Разлада Мелькора». Конечно, к эльфам это тоже относится. См. Примечание автора I к «Комментарию» к «Атрабет», и прим. 10.

(12) Ср. слова Манвэ в конце Спора валар в «Законах и обычаях»: «Ибо Арда Неискаженная существует в двух ипостасях. Одна — Арда Неискаженная, которую они [эльдар] различают в Искаженной…; это — основа, на коей зиждется Надежда. Другая — Арда Неискаженная, которая будет — „будет“ по меркам Времени, в котором они существуют, Арда Исцеленная, что благодаря Искажению будет выше и прекраснее первой, — это Надежда, что укрепляет».

(13) В «Айнулиндалэ» ($ 19) сказано, что «видение было сокрыто, когда история еще не завершилась, и круги были не окончены», а в тексте D к этому месту сделано примечание, приписанное Пенголоду:

«А некоторые говорят, что Видение исчезло прежде, чем завершилось Владычеством Людей и истаиванием Перворожденных; и поэтому валар не видели своими глазами Последних Эпох и конца Мира, хотя Музыка завершилась».

В «потерянном» печатном тексте начала «Анналов Амана» ААм* сказано, что Ниенна не выдержала до конца Музыки, «и потому не имеет надежды Манвэ».

(14) См. и прим. 7.

(15) О концепции Арды Завершенной см. прим. III в конце «Законов и обычаев».

(16) Разумеется, для всей концепции Предначальной Эпохи принципиально, что люди пробудились на востоке при первом восходе Солнца, и к тому времени, как Финрод Фелагунд нашел Беора и его народ у подножия Синих Гор, существовали всего несколько сотен лет. В «Атрабет» и раньше встречались намеки на то, что? [пропущена строка?] Андрет заглядывает в прошлое гораздо дальше, на много веков назад, «когда смерть приходила не так скоро и мы жили гораздо дольше»; здесь она говорит прямо: «Эти слухи дошли до нас через бессчетные годы». Похоже, это коренным образом меняет всю концепцию. Однако в «Атрабет» хронология Годов Солнца сохраняется: Финрод Фелагунд и Андрет встретились «около 409 года, во время Долгого Мира (260–455)».

(17) Здесь и на. это имя в рукописи написано «Эгнор», позднее изменено на «Аэгнор».

(18) Ср. КвС ($ 117): «Англод и Эгнор следили за Бладорионом с северных склонов Дортониона» (во время Осады Ангбанда) и $ 129: «Барахир [сын Беора Старого] обычно жил на северных рубежах с Англодом и Эгнором».

(19) Фраза «Только не говорите мне „ты“ — некогда он говорил мне это!» приписана в рукописи позднее; Финрод начал обращаться к Андрет на ты незадолго до этого. Но отсюда и до конца рукописи формы «ты» и «Вы» беспорядочно чередуются и исправления в печатной копии столь же непоследовательны; похоже, отец никак не мог решить, как Финрод должен обращаться к ней. Я оставил все как было.

(21) Ср. «Законы и обычаи»: «Любому из эльдар показалось бы большим несчастьем, если бы супругам пришлось расстаться во время ожидания ребенка или в годы его младенчества. Поэтому эльдар старались по возможности зачинать детей только в счастливые и спокойные времена».

Видение Финрода о истиной роли Человечества в замысле Эру является, возможно, наивысшей точкой в размышлениях отца о связи Людей и Эльфов. Однако главной целью «Аттрабет Финрод ах Андрэт» было выяснить природу «Искажения Людей». В письме Мильтону Вальдману в 1957 (См. Письмо 131), посвященному этой работе он писал:

«О первом падении людей… нигде не сказано — Люди появились на сцене уже после этого и сохранились только неясные намеки, что какое-то время они служили Врагу, а затем некоторые из них раскаялись».

В «Атрабет» Финрод обращает на это внимание: «И потому я спрашиваю, Андрет: что сделали вы, вы, люди, в те далекие годы, покрытые мраком? Чем прогневили вы Эру?… Откроете ли Вы мне то, что знаете или слышали?» И получает решительный отказ: «Не открою, — ответила Андрет. — Мы не говорим об этом с чужими». Но на последующий вопрос Финрода: «Быть может, есть все же предания о тех днях, когда смерти еще не было, только чужим вы их не рассказываете?» Ардрет отвечает: «Может быть. У моего народа их нет, но, быть может, в народе Аданэли…» И легенда о Падении Людей, хранимая некоторыми из Эдайн, повисла в воздухе.

Философский спор Финрода, Владыки Нарготронда и Андрет, одной из наследниц Беора Старого, вскрывающий основные различия в природе и судьбе Эльфов и Людей, протекает с все возрастающей горечью со стороны Андрет, чья сердечная боль (известная обоим собеседникам) раскрывается только к концу. К этой эмоциональной вещи отец приложил длинный комментарий, выполненный в совершенно ином ключе.

На газетах, в которые были завернуты «Атрабет» и комментарий были написано.

«Доп. К Сильмариллиону»

«Атрабет Финрод ах Андрэт»

«Комментарий»

На одной из этих оберток отец дописал: «Добавить к Приложениям» (Сильмариллиона).

Этот комментарий он отпечатал собственноручно под копирку с последующими изменениями практически обинаковыми в обеих копиях. За комментарием следуют пронуменованные заметки, превышающие по объему сам комментарий, так как многие из них представляеют собой короткие эссе. Я отделил их от моих собственных примечаний словами «Примечания автора».

КОММЕНТАРИЙ.

Эти рассуждения вряд ли покажутся интересными современным людям (или людям, считающим себя таковыми), но могут представлять некоторый интерес для людей, которые придерживаются тех же верований или предположений, что эльфийский король Финрод.

На самом деле это всего лишь часть картины воображаемого мира «С». Это пример того, что могли бы сказать два вдумчивых собеседника, эльф и человек, хорошо знающие друг друга. Мы видим, как благородный и мудрый эльф пытается постичь, какова связь меж эльфами и людьми и какую роль они должны были играть в том, что он назвал бы «Ойенкармэ Эруо» (Вечнотворение

Единого), понятие, которое можно передать как «Божье управление Действом».

В этом мире есть вещи, которые следует принять как «факты». СУЩЕСТВОВАНИЕ ЭЛЬФОВ — т. е. расы существ, близко родственных людям, настолько близко, что с физиологической (или биологической) точки зрения их можно считать просто ветвями одной и той же расы. Эльфы появились на Земле раньше, но ненамного (по меркам мифологии или геологии); они «бессмертны», т. е. могут «умереть» только от несчастного случая. А люди к тому времени, когда они явились на сцену (т. е. повстречались с эльфами), были, в общем, такими же, как теперь: даже если с ними ничего не случалось, лет в 70–80 они все равно умирали. СУЩЕСТВОВАНИЕ ВАЛАР — неких «ангельских» существ (сотворенных, но не менее могучих, чем, по крайней мере, «боги» человеческих мифов), главные из которых все еще жили на Земле, в конкретном, реально существующем месте. Они были посланцами Эру (Бога) и правили от Его имени. Много тысячелетий назад они участвовали в акте творения, созидая Вселенную (Эа) по замыслу Эру; но теперь их помыслы были сосредоточены на Земле, ибо там разыгрывалось центральное Действо Творения: война «эрухини» (Детей Бога), эльфов и людей, против Мелькора. Мелькор, первоначально могущественнейший из валар, восстал против своих собратьев и самого Эру и сделался Духом изначального Зла.

Говоря о короле Финроде, следует иметь в виду, что вначале он придерживается следующих взглядов (он сказал бы, что они основаны на таких источниках, как его собственная тварная природа, сведения, полученные от валар, размышления и опыт):

1. Существует Эру (Единый); т. е. Единый Бог-Творец, который создал (или, точнее, задумал) Мир, но Сам Он Миром не является. Этот Мир, или Вселенную, он называет «Эа» (эльфийское слово, означающее «Оно есть» или «Да будет!»)

2. На Земле живут «воплощенные» создания, эльфы и люди. Они представляют собой союз «хроа» и «феа» (что приблизительно — но не вполне — соответствует «телу» и «душе»). Он сказал бы, что относительно эльфов это ***установленный факт***, а, принимая во внимание близкое родство эльфов и людей, можно утверждать то же самое о людях.

3. О хроа и феа он сказал бы, что они в корне различны между собой и хотя «оба от Эру, но в разной степени», но были задуманы друг для друга, для жизни в вечном согласии. Феа неуничтожима, это единое целое, которое не может быть разделено на части или стать частью другого целого. Но хроа может быть разрушено и уничтожено: это известно по опыту. (Феа

такого тела он назвал бы «изгнанной» или «бездомной»).

4. Разделение хроа и феа «неестественно», и происходит не от изначального замысла, а от «Искажения Арды», виной которому Мелькор.

5. «Бессмертие» эльфов ограничено отрезком Времени (который он назвал бы «Историей Арды»), и точнее было бы назвать его «повторяющимся [возобновляющимся?] долгожительством», пределом которому — время существования Арды. Отсюда следует, что эльфийская феа тоже ограничена Временем Арды или, по крайней мере, связана с Ардой и неспособна оставить ее, пока та существует.

6. Отсюда можно было сделать логический вывод (даже если бы эльфы не знали этого по собственному опыту), что «бездомная» эльфийская феа, наверно, имеет власть или возможность вернуться к жизни во плоти, если будет на то ее желание и воля. (На деле эльфы обнаружили, что их феа не могут сделать этого сами, и возможность и средства для этого предоставляют им валар, по особому разрешению Эру, ради того, чтобы ликвидировать противоестественное разделение. Валар не имели права заставить феа вернуться; но они могли определять условия и решать, следует ли дозволить феа вернуться, и если да, то каким образом и когда).

7. Поскольку люди умирают безо всякой внешней причины и помимо своей воли, их феа, видимо, относятся ко Времени по-другому. Эльфы верили — хотя точных сведений они не имели — что феа людей, расставшись с телом, рано или поздно покидают Время и не возвращаются.

Эльфы заметили, что все люди умирают (и люди подтверждали это). Поэтому эльфы решили, что для людей это «естественно» (а следовательно, так задумал Эру). Они предполагали, что краткость человеческой жизни обусловлена тем свойством человеческой феа, что она не предназначена надолго оставаться в Арде. Тогда как их собственные феа, созданные, чтобы оставаться в Арде до конца, сообщали долговечность их телам: они по опыту знали, что гораздо лучше, чем люди, владеют своим телом.

Дальше Конца Арды разуму эльфов проникнуть было не дано, и им ничего не рассказывали об этом. Эльфам казалось очевидным, что их хроа погибнут и любое перевоплощение станет невозможным. Значит, в Конце Арды все эльфы «умрут». Как это будет, они не знали. Поэтому они говорили, что у людей тень позади, а у эльфов впереди.

Перед ними стояла следующая дилемма. Мысль о существовании в виде бездомных феа казалась им

отвратительной, и они не могли поверить, что для них это естественно, что это предназначено им — ведь они были по сути своей «жителями Арды», и от природы всей душой любили ее. Но другой выход — что «в Конце» феа тоже перестанут существовать — казался еще ужаснее. И полное исчезновение, и потеря непрерывного самосознания были абсолютно неприемлемы для разума и желаний.

Иные утверждали, что, хотя каждая феа цельна и неповторима (как и сам Эру, от которого они происходят напрямую), она, тем не менее, сотворена, а потому конечна, и существование ее не может быть безграничным. Внутри положенных ей пределов она неразрушима, но, достигнув их, перестает существовать — или перестает получать новые впечатления и «целиком находится в Прошлом».

Но эльфы понимали, что это не выход. Даже если эльфийская феа способна «сознательно» пребывать в Прошлом или созерцать его, это состояние совершенно не соответствует ее желаниям. У эльфов, как они сами говорили, «большие способности» к воспоминаниям, но это ведет скорее к сожалениям, чем к радости. К тому же, как бы долго ни тянулась История эльфов прежде, чем она закончится, она все же оказалась бы слишком краткой. Вечно жить, как они говорили, «в плену истории», даже если это грандиозная история с величественным финалом, в конце концов сделалось бы мукой. Ибо еще сильнее способности эльфов к воспоминаниям была их способность к творчеству и исследованию. Эльфийская феа была предназначена в первую очередь создавать и творить совместно с хроа.

И потому последним прибежищем эльфов была, как они говорили, «чистая эстэль»: вера в Эру, вера в то, что все, что Он намерен дать после Конца каждой феа, будет вполне удовлетворительным (по меньшей мере). А может быть, их ожидает некая нечаянная радость. Но эльфы верили, что ожидающее их будет ** иметь доступную разуму связь с их нынешней природой и желаниями, будет происходить из них и включать их.

Именно поэтому эльфы не так сочувствовали людям, стоящим перед лицом смерти и не имеющим надежды (эстэль). Разумеется, мало кто из людей знал о «Тени впереди», которая определяла мышление и мировосприятие эльфов — люди просто завидовали их «бессмертию». А эльфы, в свою очередь, не подозревали о древнем предании людей, будто они по природе бессмертны.

Как можно видеть из «Атрабет», Финрод, узнав об этом предании, изумлен и глубоко взволнован. Он обнаруживает еще одно предание, сопутствующее первому: будто перемена природы

людей произошла из-за некоей первобытной катастрофы — какой именно, легенда умалчивает (или, по крайней мере, Андрет предпочла умолчать). Тем не менее Финрод остается при убеждении, что природа людей не могла изначально быть такой же, как у эльфов; иначе люди были бы просто разновидностью эльфов — и зачем тогда Эру ввел их в Действо отдельно, позднее? Финрод считает, что человеческие представления о том, что, не переменись люди, они бы не умирали (т. е. не покидали бы Арду) возникла из-за того, что люди неправильно понимают свои собственные предания — а быть может, еще и хотят быть такими, как эльфы. Прежде всего, он думает, что это не соответствует, как мы бы сказали, «очевидным особенностям человеческой психологии» и отношения людей к зримому миру — в сравнении с эльфами.

Поэтому Финрод предполагает, что именно страх смерти был плодом катастрофы. Смерть страшна, потому что теперь она сопряжена с разлукой хроа и феа. Но, наверное, изначально было задумано, чтобы феа людей покидали Арду добровольно, и даже по собственному желанию. Возможно, люди оставались бы здесь дольше, чем теперь, но все равно совсем мало по сравнению с эльфами. Опираясь на аксиому, что разлука хроа и феа противна естеству и изначальному замыслу, он приходит (или перескакивает, если хотите) к выводу, что феа человека непадшего должна была забирать свое хроа с собой, в новое бытие, бытие вне Времени. Другими словами, это «успение» было естественным концом всякой человеческой жизни, хотя, насколько известно, до сих пор это случилось лишь с единственным «непадшим» представителем рода человеческого [А Илия как же?]. И тут Финроду является видение: люди — «исцелители» Арды, не просто исправляющие зло, содеянное Мелькором, но созидающие нечто третье, «Арду Возрожденную» — ибо Эру никогда не стирает прошлого — он всегда создает что-то новое, лучшее, чем «изначальный замысел». В Арде Возрожденной и эльфы, и люди обретут радость и утешение, и узы дружбы, рожденные Прошлым, объединят два народа.

Андрет говорит, что, если так, тем сокрушительней несчастье, постигшее людей: ведь ныне это возрождение (если только люди действительно пришли ради этого) невозможно. Но Финрод явно не оставляет надежды, что это все же свершится, хотя не говорит, каким образом. Однако теперь он понимает, что Мелькор куда могущественнее, чем казалось (даже эльфы недооценивали его мощи, хотя и видели Мелькора во плоти), если он сумел изменить людей, и так разрушить замысел.

Точнее, Финрод хотел сказать, что Мелькор не «изменил»

людей, а «соблазнил» их (сманил к себе на службу) в самом начале их истории, и тогда Эру изменил их «судьбу». Ибо Мелькор мог соблазнить умы и души отдельных людей, но был не в силах сделать это наследственным и изменить (вопреки воле и замыслу Эру) положение целого народа во Времени и в Арде. Но власть Мелькора над материей была воистину велика. Вся Арда (а возможно, и многие другие части Эа) была отравлена им. Мелькор был не просто местным, земным злодеем, и не Ангелом-Хранителем Земли, сбившимся с пути истинного, — он был Духом Зла,

** Аллюзия на «Космическую трилогию» К.С. Льюиса. — Прим. перев.

восставшим еще до сотворения Эа. Его попытка стать владыкой всей Эа, а в особенности Арды, и изменить замыслы Эру (которым следовали верные валар) породила зло, или стремление уклониться от изначального замысла, во всей физической материи Арды. Несомненно, именно поэтому он полностью преуспел с людьми, а с эльфами — лишь отчасти (ибо, как народ, они остались «непадшими»). Его власть была- в материи и через материю. А феа людей от природы хуже управляли своими хроа, чем феа эльфов. Конечно, отдельных эльфов можно было Склонить к мелкому «мелькоризму»: желанию хозяйничать в Арде по своей воле, делать все по-своему — что иногда приводило даже к восстанию против опеки валар; но никто из эльфов не был слугой и союзником Мелькора, и никто не отрицал существования и верховного владычества Эру. Финрод предполагает, что люди сотворили что-то ужасное именно в этом роде; но Андрет умалчивает о преданиях людей на этот счет.

Однако теперь Финрод понимает, что при нынешнем положении вещей никто и ничто в Арде, да и во всей Эа, не в силах противостоять злу и исправить его, то есть одержать победу не только над Мелькором (хотя он к тому времени утратил часть изначальной силы), но и над тем Злом, которое он рассеял по всему мирозданию.

Это мог сделать лишь сам Эру. А поскольку невозможно представить, что Эру дозволит Мелькору восторжествовать и подчинить себе весь мир (то есть разрушить его и привести в состояние хаоса), это означает, что Сам Эру должен прийти и повергнуть Мелькора. Но ведь Эру не может ***полностью*** войти в мир и в его историю — ведь как она ни велика, она остается лишь конечным Действом. Он, как Автор, должен всегда оставаться «вне» Действа, хотя оно с начала до конца, в каждой детали и в

любую минуту, основано на его замысле и воле. Поэтому Финрод думает, что, когда Он придет, Ему необходимо будет пребывать как внутри, так и «вне» мира — таким образом, Финрод прозревает, что природа Эру может быть сложной и неоднородной, — что не мешает Ему оставаться «Единым».

Так как Финрод уже догадался, что искупление и спасение первоначально было возложено на людей, он мог прийти к выводу, что и «приход Эру», если таковой будет иметь место, будет связан в первую очередь с людьми — то есть?? к?? воображаемой догадке или прозрению, что Эру, придя, воплотится в образе человека. Однако в «Атрабет» этого нет.

Разумеется, в «Атрабет» эти рассуждения изложены другими словами, и в другом порядке, и не так отчетливо. «Атрабет» — это беседа, и многие выводы и повороты мысли приходится угадывать читателю. В «Атрабет», конечно, говорится о таких вещах как смерть и положение эльфов и людей по отношению ко Времени, к Арде и друг к другу, но все же в первую очередь это художественное? произведение. В нем показано великодушие Финрода, его любовь и жалость к Андрет; в нем описана трагическая ситуация, какие могли возникать в отношениях эльфов и людей (во времена юности эльфов). Ибо, как в конце концов выясняется, Андрет в юности влюбилась в Аэгнора, брата Финрода; она знала, что Аэгнор тоже любит ее (или мог бы любить, если бы снизошел до этого), но он ничего не сказал ей и оставил ее — оттого, что она слишком ничтожна для эльфа, решила Андрет. Финроду, хотя Андрет не знала этого, эта история была известна. Поэтому он понимал, отчего она так резко отзывается об эльфах и даже о валар, и не обижался на нее. В конце концов Финроду удалось убедить Андрет, что Аэгнор не «отверг» ее из эльфийской спеси — «мудрость» велела ему оставить ее; и это стоило Аэгнору тяжких мук: он тоже был жертвой этой трагедии.

На самом деле, Аэгнор погиб вскоре после этого разговора, во время Битвы Внезапного Пламени, когда Мелькор разбил Осаду Ангбанда и начался упадок эльфийских королевств Белерианда. Финрод укрылся на юге, в большой крепости Нарготронд, но вскоре погиб — пожертвовал жизнью ради Берена Однорукого. (Об этом нигде не говорится, но, вероятнее всего, Андрет тоже погибла в это время: Мелькор тогда захватил и опустошил все северное королевство, где жил Финрод с братьями и народ Беора. Но она к тому времени была уже глубокой старухой).

Таким образом, Финрод погиб раньше, чем были заключены два брака эльфов и людей — хотя, если бы не он, Берен и Лютиэн никогда бы не поженились. На судьбе Берена сбылось

предсказание Финрода, что Рок может допустить такой брак лишь ради некоей высшей цели, и что наименее жестокий конец его — скорая смерть для обоих.

Примечания автора к «Комментарию».

Примечание I.

Поскольку считалось, что феа создает сам Эру и «посылает» их «внутрь» Эа — тогда как Эа создана при посредничестве Валар.

Согласно «Айнулиндалэ», Творение совершалось в пять стадий:

а) Эру сотворил Айнур;

б) Эру сообщил Айнур свой Замысел;

в) Великая Музыка — она была как бы репетицией, и существовала лишь в мыслях и в воображении;

г) «Видение» Эру — оно тоже было лишь провидением того, что должно было быть, и осталось незавершенным;

д) Воплощение — оно продолжается по сей день.

Эльдар считали, что Эру был и остается свободным на любой стадии. Эта свобода проявилась в том, что после появления разлада Мелькора Он ввел в Музыку две новых темы, предрекавших приход эльфов и людей, которых не было в той теме, что Он задал сначала. Поэтому и на пятой стадии Он может напрямую вводить новое, не бывшее в Музыке и потому не созданное Валар. Однако в целом верно, что Эа создана через их посредничество.

Однако дополнения Эру не «чужды» Эа — они соответствуют природе и сущности Эа и живущих в ней; они могут расширять прошлое и обогащать его смысл и цель, но тем не менее они не уничтожают, а включают его.

Поэтому «новизна» тем Детей Эру, эльфов и людей, состояла в том, что феа соединились или «поселились» в хроа, которые принадлежат Эа, так, что феа неполноценна без хроа, а хроа — без феа, хотя феа — это духи, во многом подобные Айнур, в то время как тела сродни телам всех прочих живых существ, которые уже были в первоначальном замысле, хотя эти тела приспособлены к новым целям и изменены феа, живущими внутри них.

Примечание II.

Слово «Арда» (или «Королевство Арда», ибо ею правит Манвэ, наместник Эру) не так легко перевести. Ни «Земля», ни «Мир» не подходит. На самом деле, «Арда» — это то, что мы назвали «Солнечной Системой». По-видимому, Эльдар обладали всеми сведениями о ее устройстве, происхождении и отношении к остальной Эа, которые они были способны уразуметь. Вероятно, соответствующие знания были даны — тем, кто этим интересовался. Не все Эльдар интересовались всем на свете; большинство из них исследовали (или, как они говорили, «любили») прежде всего Землю.

Предания, которые излагаются здесь, принадлежат Эльдар Первой эпохи, но дошли до нас через эльфов, которые никогда не общались с Валар, и людей, получивших «мудрость» от эльфов (хотя были у них и свои собственные мифы и легенды об устройстве мироздания, и свои зачаточные сведения по астрономии). Однако в этих преданиях нет серьезных расхождений с современными представлениями людей о Солнечной системе, ее размерах и положении во Вселенной. Однако не надо забывать, что «Истинные знания» об Арде (которые древние Эльдар могли получить от Валар) не обязательно совпадают с современными человеческими теориями. Кроме того, астрономические масштабы и расстояния отнюдь не подавляли Эльдар (а тем более Валар), и вообще не производили на них особого впечатления. Можно сказать, что их внимание — во всяком случае, внимание «С» и связанных с ним текстов — сосредоточено на «действии». Страны или планеты интересны не сами по себе, а потому, что там что-то происходит.

Несомненно, по эльфийским преданиям, главная часть Арды — Земля (Имбар, «Жилище»), место Действа — войны Валар и Детей Эру с Мелькором; так что, по-видимому, в повседневном употреблении «Арда» означало «Земля»; с этой точки зрения, назначение Солнечной системы — сделать возможным существование Имбара. Что же касается положения Арды в Эа, то утверждение, что главные из Айнур-творцов (Валар), в том числе и Мелькор — первоначально могущественнейший из них — поселились в Арде, предполагает, что, как ни мала Арда, она является ареной главных событий в Эа.

Эти взгляды не имеют отношения ни к математике, ни к астрономии, ни даже к биологии, и вовсе не обязательно противоречат представлениям наших естественных наук. Мы не можем утверждать, что в Эа «обязательно» есть другие солнечные системы, «подобные» Арде — а если даже они и есть, вовсе не обязательно в одной из них должен существовать мир, подобный Имбару. Нельзя даже утверждать, что с точки зрения математики это «вполне вероятно». Но даже если можно было бы доказать существование «биологической жизни» где-то еще в Эа, это не опровергло бы мнения Эльдар, что Арда (пока она существует) — в центре событий. Если бы удалось доказать, что где-то есть другие Воплощенные, подобные Детям Эру, это, конечно, изменило бы картину — но не разрушило. На это эльфы, вероятно, сказали бы: «Ну, это другая История. Другая, а не наша. Конечно, Эру может создать и несколько историй. Не обо всем сказано в „Айнулиндалэ“; а может, и мы не все понимаем из того, что там говорится — говорится о других действах, которые

развиваются по-другому и кончаются иначе, и все же подобны нашему; возможно, они уже были или еще будут». Но они бы непременно добавили: «Но только не теперь. Сейчас главное в Эа — то, что происходит в Арде». Очевидно, эльфы действительно полагали, что Действо Арды уникально. Наши современные знания не позволяют опровергнуть это.

Конечно, эльфы прежде всего, и очень глубоко (глубже, чем люди) интересовались Ардой и, в частности Имбаром. Видимо, они придерживались мнения, что материальный мир, Эа, имеет начало и конец, то есть ограничен и конечен во всех измерениях. Они, несомненно, полагали, что ни одна вещь, ни одно «творение», пусть даже самое основное, созданное из «первоматерии» (они называли ее «эрма») не может быть вечно в пределах Эа. Поэтому они очень беспокоились о «Конце Арды». Они знали, что их жизнь ограничена пределами Арды, но, похоже, не имели представления, сколько она просуществует. Может быть, Валар и сами этого не знали. Но, скорее всего, это было сокрыто от эльфов по воле или замыслу Эру — согласно эльфийским «Час, его же не весть никто, ниже ангели Его». преданиям, Он требует от Своих Детей (и тех, и других) двух вещей: веры в Него и, как следствие из первого, надежды — или доверия к Нему (Эльдар называли это «эстэль»).

Но, предсказан Конец Арды в Музыке или нет, Эру волен вмешаться и оборвать Историю в любой момент; так что предсказать Конец невозможно. (Менее крупным, как бы предрекающим Конец, вмешательством того же рода было уничтожение Нуменора и конец присутствия воплощенных Валар в Имбаре). Эльфы полагали, что Конец будет именно катастрофой. Они не верили, что Арда (или, по крайней мере, Имбар) просто истощится, одряхлеет и умрет от старости. Но об этом они никаких мифов не сложили. См. VII.

Примечание III.

Согласно преданиям эльфов, их перевоплощение Эру доверил Манвэ, дав ему на то особое дозволение, когда Манвэ во время споров о деле Финвэ и Мириэли заговорил с Эру, прося совета. (Мириэль умерла в Амане — она не желала более жить в своем теле; и так возник вопрос о противоестественном разлучении феа эльфа и ее хроа и о тех эльфах, которые из-за этого теряли супруга: Финвэ, муж Мириэль, остался вдовцом). Валар, точнее, Мандосу — глашатаю, а часто и исполнителю повелений Валар — были даны власть и право призывать все бездомные феа эльфов в Аман. Там им предоставляли выбор: остаться бездомными, либо (при желании) обрести новый дом, во всем подобный прежнему. Тем не менее перевоплотившиеся, как правило, должны были

оставаться в Амане. Так что те, кто жил в Средиземье, теряли друзей и родичей, а те теряли их, и этого нельзя было исправить. Смерть все же оставляла шрамы. Но благодаря тому, что эльфы были уверены в том, что с ними будет после смерти, и знали, что при желании смогут хотя бы снова обрести плоть, и творить, и создавать, и постигать Арду, смерть для них (как заметила Андрэт) была совсем не тем, чем представлялась она людям.

Эльфам был предоставлен выбор, ибо Эру не дозволил отнимать у них свободную волю. Бездомные феа призывались к Мандосу, а не приводились силой. Они могли и не приходить — но это означало, что такая феа чем-то запятнана: иначе бы она не отказалась подчиниться власти Мандоса; отказ имел тяжкие последствия, какие всегда влечет за собой восстание против законной власти. Перевоплощенные, «как правило, оставались в Амане» — просто потому, что они воплощались в обыкновенное тело, и возвращение в Средиземья было для них тяжелым и небезопасным. К тому же, на время Изгнания Нолдор Валар прекратили всякое (материальное) сообщение между Аманом и Средиземьем. Валар, конечно, могли переправить в Средиземье того, кто имел серьезные причины вернуться туда. Разлука с родными и близкими, видимо, не считалась??настолько серьезной причиной.?Вероятно, по велению Эру. В любом случае, Нолдор, как народ в целом, сами закрыли себе путь к снисхождению; они оставили Аман, требуя себе полной свободы, и отправились воевать с Мелькором, полагаясь лишь на свою доблесть, навстречу смерти и всем ее последствиям. Единственный известный в истории случай возвращения — это Берен и Лютиэн. Берен погиб вскоре после свадьбы, а Лютиэн умерла от горя. Им обоим дали новые тела и вернули их в Белерианд; но оба стали смертными и умерли, прожив обычный человеческий век. Это, несомненно, было сделано с дозволения Эру, и причины этого стали ясны лишь позднее; но это был действительно единственный в своем роде случай. Горе Лютиэн было так велико, что, по словам Эльдар, оно тронуло даже Мандоса Непреклонного. Берен и Лютиэн вдвоем совершили величайший подвиг в войне против Мелькора: добыли Сильмарилл. Лютиэн была не из Нолдор: отцом ее был Тингол (из Тэлери), а матерью — Мелиан. Мелиан была «божеством», Майей (низшим духом того же рода, что Валар). От союза Берена и Лютиэн, ставшего возможным благодаря их возвращению, в род человеческий влилась струя «божественной» и эльфийской крови, и так после установления Владычества людей сохранилась связь меж родом человеческим и Старшим Миром.

Примечание IV

Рано или поздно — ибо эльфы полагали, что феа умерших людей отправляются к Мандосу (волей или неволей — по отношению к смерти люди не имеют свободной воли). Там они остаются ждать, пока не отправятся к Эру. Правда ли это, неизвестно. Ни один живой человек не бывал в Амане. Ни одна феа умершего человека не возвращалась в Средиземье. Хотя из всех этих установлений и правил бывают исключения (ибо «Эру свободен»). Эарендиль достиг берегов Амана невзирая на Запрет; но при нем был Сильмарилл, добытый праматерью Эарендиля, Лютиэн, и, к тому же, Эарендиль был «полуэльфом»: ему не разрешили вернуться в Средиземье. Берен действительно вернулся к жизни, хотя и ненадолго; но никто из живых людей не видел его после возвращения.

После того, как Моргот был повержен в Ангбанде, всем эльфам, жившим в Средиземье, было не только дозволено, но даже приказано уйти «за Море», на Эрессэа (остров близ берегов Амана). На самом деле, это было началом Владычества Людей — хотя между падением Моргота и окончательным изгнанием Саурона был еще долгий (на наш взгляд) период сумерек: целых две эпохи, Вторая и Третья. Но в конце Второй эпохи (в результате прямого вмешательства Эру) произошла великая Катастрофа, как бы предвещающая Конец Арды: был уничтожен Нуменор, а Аман был «исторгнут» из материального мира. Поэтому после Катастрофы уйти «за Море» для Смертных (как описано в финале «ВК») — совсем не то, что раньше. В каждом случае, это особая милость. Возможность умереть так, как было предназначено непадшим созданиям: ушедшие переходили в новое состояние, позволяющее достичь большей мудрости и душевного покоя, исцелиться от всех душевных и телесных ран и, наконец, отдать свою душу: [я знаю, как это звучит, но что делать, если тут так написано!] умереть добровольно, и даже желая этого, умереть в «эстэль». Арагорн достиг этого без помощи извне.

Примечание V.

Поэтому они могли совершать более длительные и тяжелые физические усилия (подчиняясь порыву воли) и не испытывать при этом усталости; они не были подвержены болезням; они быстро исцелялись от ран, которые для человека оказались бы смертельны, и могли подолгу выносить сильную физическую боль. Однако от повреждения жизненно важных органов или от слишком тяжелых травм их тела все-таки погибали; кроме того, они не могли восстановить утраченные части тела (отрубленную руку, к примеру). С другой стороны, эльфы могли умереть — и умирали — по своей воле: например. от сильного горя или

тяжелой утраты или разочарования в своих целях и стремлениях. Такая добровольная смерть не считалась преступлением, но все же это был проступок и, возможно, следствие какого-то изъяна или порока в феа, и тем, кто приходил к Мандосу таким путем, могли и не разрешить воплотиться снова.

Примечание VI.

Либо потому, что Валар не знали об этом, либо потому, что они таили свое знание. См. (пятый абзац).

Примечание VII.

См. П. Эльфы считали, что Конец Арды будет катастрофой. Они думали, что тогда будет до основания разрушена если не вся система, то, по крайней мере, Имбар. Разумеется, Конец Арды — это совсем не то, что конец Эа. О последнем они не могли сказать ничего, кроме того, что Эа конечна. Примечательно, что у эльфов не было никаких мифов и легенд о конце света. Миф в конце «С» нуменорского происхождения; он явно создан людьми, хотя эти люди были знакомы с эльфийскими преданиями. Все предания эльфов — это «истории», рассказы о том, что уже произошло.

Мы имеем дело с воззрениями эльфов в ранний период, когда Эльдар были еще совершенно «материальны», то есть имели настоящее тело. Позднее, когда процесс, именуемый «развоплощением» или «истаиванием» (замеченный уже Финродом) зашел достаточно далеко, их представления о Конце Арды (в том, что касалось их самих), наверное, значительно изменились. Но о контактах эльфийской и человеческой мысли в позднейшие эпохи известно слишком мало. Эльфы в конце концов оказались воплощены не в настоящих, зримых и осязаемых, хроа, а в воспоминаниях феа о своей телесной оболочке и тоске по ней (если это можно назвать плотью); поэтому их существование уже не зависит от вещества Арды. Но, похоже, они считали (и до сих пор считают), что их позднее (и нынешнее) состояние противоестественно, и тоска по хроа — свидетельство тому. Эльфы хранят эстэль, что Эру исправит это. «Развоплощение» «противоестественно», что бы ни было его причиной: слабость хроа, вызванная тем, что они были вынуждены поддерживать свое существование веществом Арды6 испорченным Мелькором (как эльфы думали раньше), или, отчасти, влияние могучей феа на материальное хроа, продолжавшееся много веков. (В последнем случае «естественным» можно назвать лишь идеальное состояние, в котором неискаженная материя могла бы вечно выдерживать и облекать феа, идеально приспособленную к своей оболочке. Здесь нельзя говорить об изначальном замысле Эру — ведь Темы Детей были введены уже после появления разлада Мелькора. Поэтому «развоплощение» эльфов, видимо, было частью Истории Арды,

предусмотренной Эру — таким образом эльфы уступили путь Владычеству Людей. Для эльфов наступление Владычества людей осталось загадкой и поводом для печали: они говорят, что люди — теперь, когда зло Мелькора так сильно правит ими — все меньше и меньше любят Арду саму по себе, и все больше и больше разоряют и губят ее, пытаясь покорить и подчинить себе. Однако они и теперь верят, что Эру исцелит все печали Арды через людей или с помощью людей; а участие эльфов в этом исцелении или спасении будет заключаться в восстановлении л ю б в и к Арде — вот здесь и пригодятся их память о Прошлом и знание того, какой могла бы быть Арда. Арду, говорят они, погубят злые люди, но исцелит ее добро в человеке. Эльфы победят злобу и торжествующее без-любие. А святость хороших людей — стремление к Эру прежде и превыше всех Его созданий, — быть может, избавит эльфов от последней из их бед — печали: ибо любовь, даже самоотверженная любовь ко всему, что меньше Эру, рождает печаль).

Примечание VIII.

Желание. Эльфы утверждали, что «желания», особенно такие глубинные, как те, о которых идет речь здесь, следует считать порождениями истинной природы Воплощенных и указаниями на то, какой должна быть их неискаженная природа. Они различали «желание феа» (ощущение нехватки чего-то нужного или необходимого, порождающее желание или надежду); «прихоть», [не очень подходящее слово — в оригинале, кажется, нет оттенка сумасбродства. — прим перев.] или «личное желание» (ощущение нехватки чего-то, что нужно лишь тебе, причем это ощущение мало соответствует или совсем не соответствует общей сути вещей), и «иллюзию» — нежелание признать, что мир не таков, каким ему следовало бы быть, которое ведет к ошибочной мысли, будто мир таков, каким хочется его видеть, когда это не так. (Последнее можно также с полным правом назвать «принятием желаемого за действительное»; но эльфы сочли бы это выражение неправомерным по отношению к первому. Последнее можно опровергнуть, ссылаясь на факты. Первое нельзя. Разве что считать в с е желания иллюзиями и, к тому же, единственным основанием надежды на исправление. Но многие доводы, совершенно не связанные с «прихотью», доказывают, что «желания души» вполне разумны. То, что эти доводы ***совпадают*** с «желаниями» или даже с прихотями, не отменяет их. На самом деле, эльфы верили, что, когда от какого-нибудь словечка или довода «сердце встрепенется» или «вспыхнет радостью» (они об этом часто говорят), это отнюдь не признак ложности этого довода, а наоборот: это значит, что феа признает его частью

истины).

Примечание IX.

Вероятно, Андрет действительно предпочла умолчать. Отчасти из некой солидарности, которая не позволяла людям открывать эльфам все, что они знали о тьме позади; отчасти потому, что Андрет сама не могла разобраться в противоречивых преданиях людей. В расширенных вариантах «Атрабет», явно дополненных нуменорцами, она, по настоянию Финрода, дает более полный ответ. Одни варианты ответа очень краткие, другие длиннее. Однако все сходятся на том, что причиной катастрофы было то, что люди приняли Мелькора как Царя (или Царя и Бога). В одной из версий прямо сказано, что полная легенда (укладывающая события в меньший промежуток времени) — это нуменорское предание, потому что Андрет там говорит: «Вот Повесть, которую поведала мне Аданэль из Дома Хадора». Нуменорцы по большей части были потомками народа Мараха, и почти все их неэльфийские предания принадлежат этому народу, а Дом Хадора правил ими. Легенда несколько напоминает нуменорские предания о роли Саурона в падении Нуменора. Но это не доказывает, что она целиком выдумана после катастрофы. Несомненно, она опиралась на предания, которые действительно существовали в народе Мараха, существовали независимо от «Атрабет». [Вставлено: «это не имеет отношения к ее „истинности“ исторической или какой-то иной»]. Разумеется, действия Саурона неизбежно напоминали или воспроизводили действия его повелителя. То, что народ, владевший подобным преданием, попался на удочку Саурона — печально, но, с точки зрения человеческой истории вообще, вполне вероятно. Наверно, если бы у рыб была своя наука и свои мудрецы, раздел о крючках занимал бы в этой науке весьма скромное место.

«Повесть Аданэли» прилагается (см. ниже).

Примечание X.

«Материя» не рассматривается как нечто отрицательное или противоположное «Духу». Материя изначально была абсолютно положительной. Она и осталась «Творением Эру» и, в целом, благом. Она даже способна к самоисцелению, если ей не мешают — т. е., пока чья-нибудь недобрая воля не пробудит сокрытого зла, внесенного Мелькором. Мелькор сосредоточил свое внимание на материи, потому что дух можно полностью подчинить себе только страхом, а страх проще всего вызывается с помощью материи (особенно когда речь идет о Воплощенных — а Мелькор в первую очередь стремился подчинить себе именно их). Например, можно запугать тем, что любимые тобою материальные вещи подвергнутся разрушению или (в случае с

Воплощенными) что их тела будут повреждены. (Мелькор также использовал и извращал в своих целях «страх Эру», понятый полно или смутно. Но это было труднее, опаснее и требовало большей ловкости. Меньших духов он мог привлечь на свою сторону любовью к себе и восхищением перед собой — и так довести их до восстания против Эру. И тогда Мелькор обращал во зло их страх перед Единым, так что они начинали смотреть на Мелькора как на вождя и защитника, и в конце концов оказывались слишком запуганы, чтобы вернуться под руку Эру, даже после того, как они поняли Мелькора и возненавидели его).

Примечание XI.

На самом деле, на это есть намек уже в «Айнулиндалэ», где упоминается «Негасимый Пламень». Видимо, это означает Творческую Деятельность Эру (в некотором смысле отдельную от Него или независимую внутри Него), которая может давать вещам «реальное» и независимое (хотя вторичное и тварное) существование. Эру посылает Негасимый Пламень в сердце мира, и мир начинает Быть, на том же уровне бытия, что и айнур, так что они могут войти в него. Но, конечно, это совсем не то, что приход Эру для того, чтобы повергнуть Мелькора. Последнее имеет отношение скорее к тайне «авторства», когда автор, оставаясь самим «вовне» и независимым от своего творения, живет «внутри» него, на его вторичном уровне, более низком, чем уровень его собственного бытия, живет в нем, как источник и основа его бытия.

[«Повесть Аданэли»] .

Но Финрод настаивал, и наконец Андрет сказала:

— Вот Повесть, которую поведала мне Аданэль из Дома Хадора.

Говорят, что Несчастье случилось на заре истории нашего народа, когда еще никто не умирал. Голос говорил с нами, и мы внимали. И сказал Голос:

— Вы — мои дети. Я послал вас, чтобы вы жили здесь. Придет время, и вы унаследуете всю Землю, но пока вы еще дети и должны учиться. Взывайте ко мне, и услышу; ибо я смотрю на вас.

Мы понимали, что говорит Голос, хотя еще не имели речи. Тогда в нас пробудилось желание говорить, и мы стали выдумывать слова. Но нас было мало, а мир был огромен и нов для нас. Мы очень хотели познать его, но учиться было трудно, и слов было мало.

В те времена мы часто взывали, и Голос отвечал нам. Но он редко отвечал на наши вопросы. Он говорил:

— Сперва постарайтесь найти ответ сами. Открытие доставит вам радость, и вы станете старше и мудрее. Не старайтесь

повзрослеть раньше времени.

Но мы спешили, и нам хотелось делать все по-своему. На ум нам приходило множество вещей, которые мы хотели бы сделать. И потому мы все реже и реже обращались к Голосу.

Тогда явился меж нами некто, подобный нам обличием, но выше и прекраснее нас; и он сказал, что пришел к нам из жалости.

— Плохо, что вас оставили одних и без наставника, — говорил он. — Мир полон чудес и богатств, которые может дать знание. Вы могли бы есть сытнее и вкуснее, а не так, как теперь. Вы могли бы построить себе уютные жилища, и зажигать в них свет, оставляя тьму за порогом. Вы могли бы одеваться, как я.

И мы взглянули, и — о диво! — одежды его сияли серебром и золотом, и венец был на челе его, и самоцветы горели в волосах.

— Хотите быть, как я? — сказал он. — Я научу вас.

И мы согласились, чтобы он был нашим учителем.

Но, вопреки нашим ожиданиям, он вовсе не спешил учить нас, как добывать или делать самим то, чего мы желали — а желаний немало пробудил он в наших сердцах. Но если кто-нибудь начинал сомневаться или проявлять нетерпение, он приносил и давал нам все, чего мы желали, и говорил:

— Я — Даритель, и дары не иссякнут, пока вы верите мне.

И потому мы поклонялись ему, и он поработил нас: теперь мы зависели от его даров и боялись вернуться к прежней жизни, которая казалась скудной и тяжкой. И мы верили во все, чему он учил. Ибо мы жаждали знаний о мире и обо всем, что есть в нем: о зверях, о птицах, о деревьях и травах, что растут на Земле; и о том, как мы были сотворены, и о светилах небесных, и о звездах бессчетных, и о Тьме, в которой они сияют.

И все, чему он учил, казалось хорошим, ибо велики были его познания. Но все чаще и чаще заговаривал он о Тьме.

— Тьма — превыше всего, — говорил он, — ибо Она не имеет границ. Я пришел из Тьмы, но я — повелитель ее. Ибо это я создал Свет. Я создал Солнце, и Луну, и бессчетные звезды. Я спасу вас от Тьмы — а иначе Она поглотила бы вас.

Тогда мы сказали ему о Голосе. Но лицо его стало ужасным, ибо он разгневался.

— Глупцы! — воскликнул он. — То был Голос Тьмы. Она хочет отвратить вас от меня; ибо Она жаждет поглотить вас.

И он ушел, и долго не возвращался, и нам было плохо без его даров. И наступил день, когда свет Солнца вдруг начал тускнеть, и наконец погас, и великая тень пала на мир, и все звери и птицы были в ужасе. И тогда он явился снова, как яркое пламя в темноте.

Мы пали ниц. И тогда он сказал:

— Есть еще среди вас такие, кто внемлет Голосу Тьмы, и оттого Она приближается. Выбирайте же! Кто будет вашим Владыкой — Тьма или Я? Если вы не примете Меня как Владыку и не поклянетесь служить Мне, Я уйду и оставлю вас; ибо есть у меня иные царства и иные жилища, и я не нуждаюсь ни в Земле, ни в вас.

Тогда в страхе сказали мы, как велел он:

— Ты наш Владыка, и Тебе одному мы будем служить. Мы отречемся от Голоса, и не станем более внимать ему.

— Да будет так! — сказал он. — Постройте же Мне дом на высоком месте, и назовите его Домом Владыки. Я буду приходить туда, когда пожелаю. Там вы будете взывать ко Мне и излагать свои просьбы.

И когда мы построили большой дом, он пришел и стал перед троном, и весь дом озарился, словно огнем. И сказал он:

— Пусть же выйдут вперед те, кто еще внемлет Голосу!

Такие еще были, но они побоялись выйти вперед и промолчали.

— Тогда склонитесь предо Мной и присягните Мне! — сказал он. И все склонились долу, говоря:

— Ты — Единый Великий, и мы Твои.

Тогда он словно вспыхнул дымным пламенем, и нас опалило жаром. Но внезапно он исчез, и стало темней, чем ночью; и мы бежали из Дома.

После этого мы стали страшиться Тьмы. Он же очень редко являлся нам в прежнем, прекрасном обличье, и даров приносил мало. Если мы в великой нужде осмеливались приходить в Дом и молить его о помощи, он отвечал нам и повелевал. Но теперь он всегда требовал от нас сделать что-нибудь или принести ему какой-нибудь дар, прежде чем внять нашей молитве; и дела, которых он требовал, становились все хуже, а дары — все непосильнее.

Первый Голос мы с тех пор слышали лишь раз. В ночной тиши Он заговорил и сказал:

— Вы отреклись от Меня, но остаетесь Моими. Я дал вам жизнь. Теперь она сократится, и все вы вскоре придете ко мне и узнаете, кто ваш Владыка: Тот, кому вы поклоняетесь, или Я, создавший его.

Тогда мы стали еще больше бояться Тьмы, ибо думали, что это Голос Мрака, что лежит за звездами. И мы начали умирать в ужасе и в муках, страшась уйти во Тьму. Тогда мы воззвали к своему Повелителю, моля спасти нас от смерти, но он не ответил. Но когда мы все собрались в Доме и преклонились долу, он

наконец явился, могучий и величественный, но лицо его было жестоким и гордым.

— Теперь вы Мои и должны исполнять Мою волю, — сказал он. — Что Мне до того, что иные из вас умирают и отправляются насытить собою Тьму? Иначе бы вас расплодилось слишком много, и вы расползлись бы по всей Земле, как вши. Но если вы не будете делать, что Я велю, гнев Мой падет на вас, и вы умрете быстрее, ибо Я убью вас.

И нас начали осаждать всяческие беды: усталость, голод, болезни; и Земля и все, что на ней, обратились против нас. Огонь и Вода восстали на нас. Звери и птицы начали избегать нас, а те, что сильнее, нападали на нас. Растения отравляли нас; мы начали бояться даже тени древесной.

И мы тосковали о былой жизни, какой мы жили до прихода Повелителя. И мы возненавидели его, но боялись его не меньше, чем Тьмы. И мы делали все, что он велел, и даже больше: мы готовы были сотворить любое зло, в надежде, что это понравится ему, и он облегчит наши страдания или хотя бы не станет убивать нас.

Большинство из нас старались тщетно. Но иных он стал привечать: самых сильных и самых жестоких, и тех, кто чаще всего бывал в Доме. Им он давал дары и знания, которые они хранили в тайне; и они стали могущественными и гордыми, и поработили нас, так что мы не ведали отдыха средь трудов и горестей.

Тогда восстали иные средь нас, и в отчаянии сказали во всеуслышание:

— Теперь-то мы знаем, кто лгал нам, и кто хотел поглотить нас. То был не первый Голос. Это Повелитель, которого мы признали; он-то и есть Мрак. И не пришел он из него, как говорил нам, но живет в нем. Не станем более служить ему! Ибо он Враг нам.

И тогда, боясь, что он услышит их и покарает нас всех, мы стали убивать их, если могли; а тех, кому удалось бежать, мы преследовали; и когда кто-нибудь из них попадал нам в руки, наши повелители, его друзья, приказывали отвести их в Дом и сжечь на костре. Его друзья говорили, что он будет доволен этим. И в самом деле, казалось, на время наши страдания облегчались.

Но говорят, что некоторые все же спаслись от нас и ушли в дальние страны, спасаясь от его тени. Но и они не избежали гнева Голоса; ибо они тоже строили Дом и падали ниц. И наконец они достигли края земли и берегов непреодолимого моря. И се! Враг уже ждал их там.

В материалах «Атрабет» имеется также «Словарь» (как назвал его отец), краткий список имен и терминов с определениями и некоторыми сведениями по этимологии. Эти материалы относятся только к «Атрабет» и, соответственно, их немного; но некоторых слов (таких, как «Атрабет», «Андрет», имен народа Беора) не хватает. […] Большая часть содержащихся в нем сведений встречается в других местах, и я даю лишь отдельные статьи, некоторые из них в сокращении, с небольшими поправками, внесенными для ясности.

АДАНЭТ (синд.) «женщина, смертная женщина».

АРДА «королевство», т. е. «королевство Манвэ». «Солнечная система», и, в частности, Земля, как сцена центрального действия, войны «Детей Эру» против Мелькора.

ВАЛАР [отрывок]…означает «обладающие могуществом, Могущества». Но точнее было бы переводить как «Власти». «Могущество» валар зиждилось на «власти», которой наделил их Эру. Они обладали «мощью», необходимой для выполнения их обязанностей, а именно — весьма обширной, божественной властью над материей Вселенной, таким же знанием ее, а также пониманием замыслов Эру. Но им было запрещено воздействовать с и л о й и принуждением на Детей Эру. «Мощь» как силу, в том числе физическую, обозначает корень MELK- (в слове «Мелькор»).

МАНДОС [отрывок] (Имя MANDOS (основа MANDOST-) означает приблизительно «тюремный замок»: от MBANDO «стража, охрана» и OSTO «крепость, укрепление». Синдарская форма MBANDO, квэн. MANDO, была BAND — отсюда ANGBAND, «Железная темница», название крепости Моргота (квэн. ANGAMANDO).

МЕЛЬКОР (также «Мелько») [отрывок] (MELKOR, более раннее MELKORE, вероятно, означает «Восставший в силе»; MELKO — просто «могучий»).

*МИРРОАНВИ (MIRROIANWI) Воплощенные, «духи», «вселенные в плоть»; ср. хроа. (От * MI-SRAWANWE).*

НОЛДОР (Noldor) Это слово означает «хранители мудрости», те, кто посвятил себя познанию. (Древнейшая форма ngolodo; квэн. noldo, синд. golodh; сочетание n соответствует эльфийской букве, передающей заднеязычный носовой, как NG в английском KING). Квэнийское слово Nole значит «знание, наука», но его синдарское соответствие gul приобрело дурной оттенок, из-за того, что оно часто встречается в словах типа morgul (ср. «Минас Моргул» во «ВК»), и стало обозначать исключительно дурное или извращенное знание, черную магию, колдовство. Слово gul использовалось также в наречии Мордора.

ФЕА «душа», «дух» — индивидуальный «дух», живущий в «хроа»

*любого из Воплощенных. Это понятие более или менее соответствует нашей «душе», а также «разуму», если проводить различие между мышлением и мыслительными процессами Воплощенных, обусловленными и ограниченными содействием физических органов хроа. Таким образом, феа по сути своей (если отвлечься от ее опыта) является импульсом и способностью мыслить: исследовать и рассуждать, в отличие от получения сведений извне. Феа обладает сознанием и самосознанием; при этом «я» для Воплощенных включает также и хроа. Эльдар говорили, что феа сохраняет впечатления или воспоминания хроа и своего опыта, приобретенного совместно с телом. (Квэнийское fea (не дифтонг, произносится в два слога) — от более древнего *phaya. Синдарское faer, с тем же значением, соответствует квэнийскому faire, «дух» вообще, в противопоставлении «материи» (erma) или «плоти» (hrave)).*

*ХРОА см. ФЕА. (Квэнийская форма происходит от более древнего *srawa. Синдарская форма hroa и hrave — rhaw; ср. МИРРОАНВИ).*

ЭДЭННИЛЬ (квэн. «Атандиль») — «друг атани, людей»; прозвище Финрода.

ЭЛЬДАР [отрывок]…Но лишь часть эльдар действительно достигла Амана. Немалая часть Третьего Народа («линдар», «певцов», которых еще называют «тэлери», «последними») осталась жить на Западе Средиземья. Это «синдар», «Серые Эльфы»… Эльфы, живущие в Амане или возвратившиеся оттуда, назывались Высшими Эльфами («тарэльдар»).

Далее приводятся несколько отрывков из черновых набросков к «Атрабет». Первые два — из наброска, который соответствует окончательному тексту от слов Финрода «Но что же такое Человек?» (строка 398) до слов «Ему придется Самому войти сюда, чтобы повергнуть его» (строка 586), но в некоторых аспектах коренным образом отличается от него.

Первый отрывок начинается со слов Финрода «А может, есть где-то иной мир, а все, что видим и знаем мы, эльфы и люди, лишь знаки, напоминания о нем?» (строка 439).

— Если он есть, то лишь в замыслах Эру, — ответила Андрет. — Но я не знаю ответа на такие вопросы. Единственное, что я могу сказать: есть среди нас такие, кто полагает, что мы пришли сюда, чтобы исцелить Искажение Арды, сделать хроа частью существования феа [а эльфы как же?], и так навеки освободить его от влияния Мелькора и любого другого злого духа, который захочет исказить его. Но эта «Арда Исцеленная» (или Восстановленная) не будет «Ардой Неискаженной» — она будет выше. И, возможно, она существует в замыслах Эру и есть в Его

ответной теме. Вы говорили мне о Песни, Вы беседовали с валар, которые еще до начала мира слышали, как создавалась она. Расслышали ли они конец Песни? А быть может, валар, оглушенные последним аккордом Эру, упустили что-то, что прозвучало вслед за ним? А быть может, раз Эру свободен — он не довел Песнь и Видение до конца? А что потом — этого мы не увидим и не узнаем, пока не достигнем того мига (которого ни валар, ни эльдар…)

— В чем же проявилось коварство Мелькора?

Это скрыто во тьме. Саэлон (т. е. Андрет) почти ничего не знает об этом. «Некоторые говорят, что он богохульствовал, и отрицал существование Эру или Его мощь, и что наши отцы согласились с этим и назвали его своим Господом и Богом, и тогда наши феа отреклись от своей истинной природы, и потому омрачились и ослабели почти до смерти (если это возможно для феа). И из-за слабости феа наши хроа стали подвержены болезням и беззащитны перед всяким злом и неустройством мира. А другие говорят, что сам Эру заговорил во гневе и рек: „Если Тьма — ваш бог, мало света обретете вы здесь, но скоро оставите его и придете ко Мне, дабы познать, кто лжет: Мелькор, или Я, сотворивший его“».

Второй отрывок находился после слов Андрет (.) «Во сне ли, наяву ли, ничего определенного они не говорят…»:

«— Иные говорят, что… Эру найдет способ исцелить и наших отцов, и нас, и тех, кто придет за нами. Но как это произойдет и какими станут те, кто исцелится, догадываются лишь те, кого зовут людьми Надежды; а точно не знает никто.

Но есть среди нас такие (и я — одна из них), кто разделяет Великую Надежду, как мы ее называем, и верит, что Его тайна передается из рук в руки с тех времен, когда мы еще не пострадали. Вот наша Великая Надежда: что Эру сам вступит в Арду и исцелит людей и все искажение.

— Как странно! Так вы утверждаете, что знали об Эру еще до встречи с нами? Как же его имя?

— То же, что и у вас, только звучит по-другому: Единый.

— Все равно не понимаю, — сказал Финрод. — Как же может Эру войти в то, что Он сам создал? Он же ведь неизмеримо больше? Как может поэт войти в историю или художник в картину?

— Он уже присутствует в ней и вне ее, — заметила Саэлон, — хотя это разные вещи.

— Да, вот именно, — сказал Финрод, — так, в этом смысле Эру уже присутствует в Арде. Но Вы говорите, что Эру ***войдет*** *в Арду, а ведь это совсем другое дело. Как это возможно, ведь он же*

бесконечно больше? И не разрушит ли это Арду, да и всю Эа?

— Он может сделать это, я не сомневаюсь, хотя и не знаю, как, — ответила Саэлон. — Хотите верьте, хотите нет, но это — Великая Надежда людей. И, если без гордости — я не вижу, что еще можно сделать. Ведь не позволит же Эру Мелькору восторжествовать, не оставит же Он свое создание. И невозможно представить никого могущественней Мелькора, кроме самого Эру. А потому Эру, если он не согласится оставить свое создание Мелькору, который…, Эру придется самому прийти, чтобы повергнуть его».

Здесь набросок кончается. Как мы видели, в первом из этих отрывков видение «Арды Восстановленной», которое в окончательном варианте вызвали у Финрода слова Андрет, первоначально было верованием, которого придерживались некоторые атани, и именно Андрет высказывает предположение, что этого не было в Песни айнур, или же они не заметили этого; во втором же отрывке Андрет причисляет себя к тем, кто разделяет «Великую Надежду», и когда Финрод выражает сомнение в том, что Эру может войти в Арду, она отвечает теми же словами, что Финрод в окончательном тексте. Очевидно, в процессе работы над «Атрабет» взгляды отца не только на композицию и общее содержание работы, но и на сами верования первых людей изменились коренным образом.

На отдельной странице записан интересный отрывок, не использованный в окончательной версии.

«— Что же говорит мудрость людей о природе Мирруайнар? — спросил Финрод. — И как считаете Вы сами, Андрет — Вам ведь ведомо также многое из учения эльдар?

— Люди, Мудрые и простые, говорят об этом разное, — ответила Андрет. — Многие считают, что есть только одно: тело, и что мы — те же звери, только умнее прочих и появились позже. Но другие думают, что тело — это не все, что в нем есть что-то другое. Ибо мы часто называем тело „домом“ или „одеждой“ — а это значит, что внутри что-то есть, но что именно — трудно сказать .

Люди моего народа говорят обычно о „дыхании“, или „дыхании жизни“, и говорят еще, что, когда оно оставляет дом, его можно увидеть как ***призрак*** *, прозрачный силуэт умершего.*

— Это только догадки, — заметил Финрод. — Давным-давно мы тоже так думали, но теперь мы знаем, что этот жилец — не „дыхание“ (дыхание — это часть хроа), и бездомного жильца нельзя увидеть глазами, но феа живущего может представить глазам образ, который бездомный передает ей: память о самом себе.

— Может быть, — ответила Андрет. — А люди народа Мараха чаще говорят об „огне“, „огне в очаге“, который согревает дом и распространяет жар сердца, или чад гнева.

— Это тоже догадка, — сказал Финрод, — и, по-моему, в ней тоже есть доля правды.

— Несомненно, — подтвердила Андрет. — Но те, кто говорит о „дыхании“ или „огне“, считают, что это — жизнь всего живого. У людей есть дома, а у птиц и зверей — норы и гнезда, так же и с жизнью: и у тех, и у других есть внутри жизнь, которая может уйти или угаснуть.

— Чем же тогда, по-вашему, люди отличаются от животных? — спросил Финрод. — И как же тогда они утверждают, будто некогда обладали бесконечной жизнью?

— Мудрые думали об этом, — ответила Андрет. — Среди них есть такие, кто говорит почти то же, что эльдар. Но они говорят о трех частях: ***земле [очаге?], огне и Жильце*** *. Они имеют в виду вещество, из которого состоит тело (оно само по себе инертно, не растет и не движется), жизнь — растущую и увеличивающуюся, и Жильца, что обитает внутри и владеет и домом, и очагом — или, по крайней мере, владел некогда.*

— И не хочет расставаться с ними, — и некогда не был обязан расставаться? — вставил Финрод. — Значит, это Жилец пострадал?

— Нет, — возразила Андрет. — Нет, это точно. Пострадал Человек, весь в целом: и дом, и жизнь, и хозяин.

— Но зло причинили именно Хозяину, как говорите Вы, — хотя я подозреваю, что это сам Хозяин сотворил некое зло: ведь дом может пострадать по вине Хозяина, но не Хозяин — за провинность дома! Ладно, оставим, раз Вы не хотите говорить об этом. А Вы сами верите в это?

— Это не вера, — сказала Андрет. — Мы знаем слишком мало, чтобы быть уверенными в том, что такое „земля“, „рост“ или „мысль“ — а может, и никогда не узнаем; ибо, если их в самом деле создал Единый, они всегда будут таить в себе некую неразрешимую загадку, сколько бы мы их ни изучали. Но я считаю, что наша догадка близка к истине».

Здесь отрывок кончается. Наконец, есть еще один листок, на котором написано следующее:

«Вопрос: не лучше ли, если Андрет вообще откажется обсуждать любые предания и легенды о „Падении“? Это уже и так слишком напоминает пародию на христианство (впрочем, это неизбежно). Любая легенда о Падении сделает это законченной пародией?

Первоначально Андрет, вместо того, чтобы отказаться

говорить об этом, наконец (после долгих уговоров) сообщала приблизительно следующее:

— Говорят, Мелькор в древние времена казался хорошим, и завоевал любовь людей, и тогда начал богохульствовать, говоря, что Эру не существует, и называл себя Господом, а люди согласились и назвали его своим Господом и Богом. И тогда (говорят иные) наши души отреклись от своей истинной природы, и тут же омрачились и ослабели; и из-за этой слабости мы утратили власть над своим телом, и оно стало болезненным. Другие говорят, что сам Эру заговорил во гневе и рек: „Если Тьма — ваш бог, мало Света обретете вы здесь [позднее < мало Света вы обретете на земле], и скоро оставите его и придете ко Мне, дабы познать, кто лжет: ваш бог, или Я, создавший его“. И такие больше всего боятся смерти».

Это очень трудно расшифровать. Первый вопрос мог означать (принимая во внимание следующие слова): «Конечно, лучше, если Андрет вообще откажется…», т. е., «как и есть теперь, как в настоящем тексте». Но потом он написал отрывок, в котором Андрет не отказывается говорить о подобных преданиях, а напротив, «после долгих уговоров» соглашается (не знаю, как понять слово «первоначально»), и ее слова, впервые появившиеся здесь, очевидно, были началом того, что потом стало «Повестью Аданэли», легендой о Падении. Но этот набросок рассказа Андрет о Падении людей очень близок к тому, что говорится в наброске А, он практически дословно воспроизводит его, а сам этот набросок основан на еще более раннем тексте, ныне утраченном. Похоже, что в этом утраченном тексте о Падении ничего не говорилось, и, скорее всего, именно к этому относится вопрос отца: «Не лучше ли, если Андрет вообще откажется обсуждать любые предания и легенды о „Падении“?»

Замечания в начале текста С показывают, что такое развитие, эти новые направления во внутренней «теологии» Арды или, по крайней мере, настолько откровенное их выражение, несколько беспокоили отца. Разумеется, заглянув в более ранние работы, нельзя не заметить значительного сдвига. В изложении, написанном для Мильтона Вальдмана в 1951 г (Letters, N 131, стр.147), он говорит:

«Судьба (или Дар) людей есть смертность, свобода от кругов мира. Поскольку весь цикл написан с точки зрения эльфов, в мифологии смертность не объясняется: это тайна Бога, и о ней известно лишь, что „то, что Бог уготовал людям, сокрыто“, и бессмертные эльфы скорбят о них и завидуют им…

В космогонии имеется падение: падение ангелов, как сказали бы мы с вами. Хотя, конечно, не такое, как в христианском мифе. Эти

истории — новые, они не происходят напрямую от каких-либо других мифов или легенд, но не могут не содержать в себе множества древних распространенных мотивов и элементов. В конце концов, я полагаю, что в легендах и мифах немало „истины“, а некоторые аспекты истины могут быть восприняты нами только в этой форме; некоторые истины были открыты давным-давно именно в такой форме, и не могут не повторяться. Не может быть „истории“ без падения (все истории изначально — о падении), по крайней мере, для человеческого разума, который нам известен, которым мы обладаем.

Вот и эльфы должны были пасть, прежде чем их история стала повестью. (О первом падении людей, по причинам вышеуказанным, нигде не рассказывается — люди вступают на сцену, когда все это уже далеко позади, и остались только слухи, что некогда они покорились Врагу, но некоторые раскаялись)».

*«О первом падении людей, **по причинам вышеуказанным** , нигде не рассказывается». Что же это за причины? [Да просто эльфов поблизости не было, когда все это случилось, а сами люди все забыли. — А.Х.] Отец, видимо, имеет в виду начало письма, где он говорит об артуровской легенде, что «она переплетена с христианской религией и открыто говорит о ней», и продолжает:*

«По причинам, которые я не стану излагать, мне это представляется гибельным. Миф и волшебная сказка, как и всякое искусство, не могут не отражать и не содержать в себе элементов нравственных и религиозных истин (или заблуждений), но только не открыто, не в известных формах первичного, „реального“ мира».

Однако за несколько лет до этого письма, в одном из любопытных «Очерков», связанных с «Падением Анадунэ», он кратко упоминает о первом Падении людей и сопровождает это упоминание очень странным рассуждением о первоначальном замысле Бога относительно рода человеческого (IX, 401):

«Люди (Пришедшие Следом, или Вторая раса) пришли вторыми, но предполагалось, что в изначальном замысле Бога им было предназначено, пройдя обучение, принять на себя власть над всей Землей и, в конце концов, стать валар, дабы „обогатить Небеса“, Iluve [Вселенную — А.Х.]. Но Зло (воплощенное в Мелеко) соблазнило их, и они пали».

Немного дальше, в том же тексте, он пишет:

«Хотя пали все люди, не все остались в рабстве. Некоторые раскаялись, восстали против Мелеко, стали друзьями эльдар и старались хранить верность Богу».

Здесь, очевидно, высказано мнение (хотя и неизвестно, насколько весомое: кем это «предполагалось»?), что Падение

коренным образом изменило природу и судьбу людей, и это произошло по вине «Духа Зла», Мелькора.

Но в 1954 г., в черновом варианте длинного неотправленного письма к Питеру Гастингсу (Letters, N 153), он писал:

«Мой „легендарий“, особенно „Падение Нуменора“, которое стоит за „ВК“, основан на _моем_ мнении, что люди по природе своей смертны, и не должны стремиться к „бессмертию“ во плоти».

К этому он добавил сноску:

«Можете сказать, что это „плохая теология“, раз „смертность“ считается особым даром Бога Второму Роду Детей (Эрухини, Детей Единого Бога), а не карой за Падение. Может, в первичном мире это и так, _но и воображение способно открывать истину и имеет право создавать легенды_».

И в другом письме от 1954 г., к отцу Роберту Мюррею (Letters, N 156), он пишет:

«Но точка зрения мифа [о Падении Нуменора] состоит в том, что Смерть — т. е., краткость жизни, отпущенной человеку, — не кара за Падение, а биологическая (а стало быть, и духовная, ибо тело и дух взаимосвязаны) часть внутренней природы Человека».

Поэтому мне представляется, что есть сложности с истолкованием изложенных в «Атрабет Финрод ах Андрет» взглядов отца на эту проблему; но я не в состоянии разрешить их. К сожалению, вопросы, с которых начинается отрывок С, выражены очень невнятно и бегло, особенно слова «Это уже и так слишком напоминает пародию на христианство». Он явно имеет в виду не легенду о Падении — ведь он сам говорил, что такая легенда сделает «это» — очевидно, «Атрабет» — законченной «пародией на христианство».

Быть может, он имел в виду потрясающую идею «Великой Надежды людей», как она называется в наброске А, — «Древней Надежды», как назвал он ее в окончательном варианте, — что сам Эру вступит в Арду, чтобы противостоять злу Мелькора? В Комментарии (строка 1031) эта мысль развернута дальше: «Финрод… мог прийти к выводу, что и „приход Эру“, если таковой будет иметь место, будет связан в первую очередь с людьми — то есть к домыслу или прозрению, что Эру, придя, воплотится в образе человека», хотя отец заметил, что «в „Атрабет“ этого нет». Но ведь это не пародия, даже не параллель — это всего лишь сдвиг «теологии» Арды — пусть даже он представлен в качестве видения, надежды или пророчества, — к _чисто христианской_……. вере, и открытый вызов точке зрения, выраженной в письме отца от 1951 г., что необходимо ограничивать выражение «нравственных и религиозных истин (или заблуждений) во

Вторичном мире».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ср. черновик письма отца от сент. 1954 (Let. N 153, стр. 189): «С точки зрения биологии, эльфы и люди, очевидно, представляют собой единый вид, иначе они даже в единичных случаях не могли бы порождать потомство, способное к размножению», и далее.

[2] Согласно хронологии «Анналов Амана», эльфы пробудились в 1050 году Деревьев, за 450 таких лет до восхода Солнца, т. е., немногим более чем за 4300 лет по нашему счету (о летосчислении см…); см. прим. 16.

[3] «Труды демиургов»[переделать в тексте] — творческий труд «демиургов», т. е. могущественных, но не бесконечных существ, подчиненных Богу.

[4] О Мелькоре как первоначально «самом могущественном из валар» см… В поздних работах часто встречаются упоминания о том, что вначале Мелькор превосходил всех своей мощью. См. особенно эссе «Мелькор-Моргот». Любопытно, что в письме к Роне Бир от окт. 1958 (Let. N 211) отец пишет: «В космогоническом мифе сказано, что Манвэ был „братом“ Мелькора — это значит, что в замыслах Создателя они были равны и одинаково могущественны».

[5] Ср. слова Финрода в «Атрабет», строка 496: «После Конца Мира мы больше не изменимся — ибо мы ничего не забываем: с каждым веком это все заметнее. Боюсь, тяжелая это будет ноша; но во Дни, о которых мы говорим, она станет великим богатством…»

[6] Имеется в виду Дева Мария. См. сноску в продолжении черновика, упомянутого в прим. 4.

[7] Этот анализ отклоняется от «Атрабет», и, как напрямую сказано в, отец и не собирался строго придерживаться развития диалога. На самом деле, это Финрод сказал, что «тем сокрушительней несчастье, постигшее людей» («Падение их — ужаснейшее из всех преступлений». ()), и его признание, что «Мелькор куда могущественнее, чем казалось», встречается гораздо раньше («…Но переменить судьбу целого рода Детей, лишить их наследия, дарованного Эру, вопреки Его воле… — если он способен на такое, он куда больше и ужаснее, чем казалось нам».)

[8] «Аэгнор погиб вскоре после этого разговора» — на самом деле, 46 лет спустя (см. прим 9).

[9] В «Серых Анналах» (и в опубликованном «С») Финрод во время осады Ангбанда, очевидно, правит своим обширным королевством из из крепости Нарготронд (основанной за несколько

столетий до того), и сказано, что на Битву Внезапного Пламени он «спешил с юга». Но, с другой стороны, в конце «Атрабет» он говорит Андрет, что уходит на север, «к мечам, на стены — на осаду» (стр. 705), и в этом отрывке сказано, что он со своими братьями и с народом Беора жил в «северном королевстве», и, когда Осада пала, он укрылся в Нарготронде.

Последнее предложение абзаца «Но она к тому времени была уже глубокой старухой» добавлено позднее. Рядом отец вписал карандашом «около 94»; ср. прим. к первой фразе «Атрабет», стр. 54: во время разговора с Финродом, т. е. в 409 г., Андрет было 48 лет, и, значит, в 455, в год Битвы Внезапного Пламени, «около 94».

[10] В «Айнулиндалэ» прямо сказано, что Дети Илуватара ***«появились в Третьей Теме*** *, и их не было в той теме, которую Илуватар задал сначала». О «Второй Теме» в «Айнулиндалэ» сказано, что «Манвэ… был главным инструментом Второй Темы, которую Илуватар противопоставил разладу Мелькора».*

Возможно, не исключено, что слова «две новых темы» в данном отрывке указывают на замысел отца ввести в Песнь эльфов и людей как две связанных между собой темы, которые в «Айнулиндалэ» названы «Третьей Темой», но мне кажется более вероятным, что появилась новая концепция Песни. В связи с этим, в отрывке из последнего варианта 6 главы «Квэнта Сильмариллион» сказано, что Мелькор втайне рассказывал эльдар Амана о людях, хотя знал о них мало, «ибо был слишком занят своими собственными замыслами в Песни, чтобы обратить достаточно внимания на Вторую тему Илуватара». Эта фраза, если это не просто описка, может служить доказательством того, что эльфы и люди появились во Второй и Третьей Теме, хотя, несомненно, эльфы появились во Второй Теме, а люди в Третьей. Можно заметить также, что в черновом продолжении письма к Роне Бир от окт. 1958 (Let. N 212), на которое я уже несколько раз ссылался, отец писал: «Их „темы“ Единый ввел в Песнь, когда возник разлад Мелькора»; еще одно упоминание о «Темах Детей» есть в VIII Примечании автора.

[11] На полях рядом с первыми фразами Примечания П написано: «Арда» значит «Королевство». Ср. утверждение, что «на самом деле, „Арда“ — это то, что мы назвали бы „Солнечной системой“», и, в третьем абзаце, что главной частью Арды был Имбар, Земля («Имбар» — «жилище»), хотя «в повседневном употреблении „Арда“ означало „Земля“, со списком названий, относящимся к пересмотру „КвС“ в 1951 г.: „Арда“ — эльфийское название Земли = наш мир. Также „Королевство Арда“ = огражденное пространство». То, что говорится в данном примечании, конечно, предполагает коренное изменение

космологического мифа, возвращение к отвергнутым идеям, появившимся в тексте С «Айнулиндалэ», относящемся к концу 40-х гг. Многое на эту тему приводится также в V части (см. в первую очередь тексты I и П).

[12] Термин «Имбар» нигде раньше не встречался, но ср. «Амбар» — «Земля» (т. IV, стр.235), и «Этимологии»: кв. «a-mbar» — «ойкумена», «Земля», а также «Амбар-мэтта» — «конец мира» — в словах Арагорна на коронации («Возвращение короля»).

[13] «Главные из айнур-творцов… поселились в Арде» — ср. «Айнулиндалэ»: «Так и вышло, что некоторые из Священных и сейчас обитают за пределами мира вместе с Илуватаром, а другие — и среди них многие из величайших и прекраснейших — воспользовались дозволением Илуватара и вошли в мир».

[14] «erma» — в машинописном тексте В «Законов и обычаев» встречается слово «orma», вписанное позднее карандашом вместо слова hron («общий хрон [> orma] Арды»).

[15] Это упоминание о концепции, которая нигде ранее не встречалась; см. «Приложение».

[16] Возможность возвращения к жизни во плоти путем нового рождения более не упоминается — см. прим. 15.

[17] «Тем не менее перевоплотившиеся, как правило, должны были оставаться в Амане» — причины объясняются в этом же Примечании, чуть ниже.

[18] Эарендиль не был потомком Лютиэн — он был сыном Туора и Идриль Келебриндал из Гондолина; внучкой Лютиэн была Эльвинг, жена Эарендиля.

[19] «Миф в конце „С“» — если брать в расчет все существующие тексты, то речь идет о заключении «КвС» (V том), «Пророчество Мандоса».

[20] Ср. «Законы и обычаи»:

С течением веков преобладание феар эльфов все росло, «сжигая» их тела… Итог этого — их «истаивание», как люди это называют, ибо тела эльфов становятся, в конце концов, не более чем памятью, хранимой феа, и этот конец уже наступил во многих местах Средиземья, так что эльфы воистину бессмертны и их нельзя уничтожить или изменить. (пер. Эленхильд)

[21] «Прежде и превыше всех Его созданий» — т. е. «прежде и превыше всех ***творений*** *Эру, любого рода».*

[22] Предыдущие упоминания народа Мараха см.

[23] Существует другой вариант Примечания IX, начало которого звучит так: Пр. «Вероятно, Андрет действительно предпочла умолчать. А может быть, она, к тому же, не могла прийти к окончательному решению относительно разных преданий

по этому поводу». В расширенных вариантах «Атрабет», которые, по-видимому, были «отредактированы» нуменорцами (нуменорцы в большинстве своем вели род от народа Мараха, у которого были свои, особые предания о том, что мы называем Падением) она, после долгих уговоров, наконец дает более точный ответ. Примерно такой:

«Говорят, что это несчастье случилось на заре истории нашего народа; иные говорят, даже в первом поколении. Голос Единого говорил с нами; одни говорят, что это был Вестник, другие — просто Голос, А иные утверждают, что мы с самого начала знали это в сердце своем. Но нас было мало, а мир казался огромным; и мы дивились всему, что видели, но были несведущи, и страстно желали знаний, и торопились сделать разные вещи, образы которых возникали у нас в голове.

Тогда явился меж нами некто, подобный нам обличием, но выше и прекраснее…»

Отсюда и далее этот текст отличается от «Повести Аданэли» лишь отдельными словами; но он обрывается (и не в конце листа) на словах «И мы внимали ему и повиновались его велениям…»

Отец отказался от этого изначального варианта и отложил его в сторону; позднее он написал на машинописном тексте: «Остальные примечания и конец легенды о Мелькоровом Обмане, похоже, потеряны. Я отослал полную копию в Уэльс, миссис Э.Дж. Нив (моей тетушке) незадолго до ее кончины. Обратно она, кажется, не вернулась. То ли потерялась, то ли уничтожена торопливыми наследниками». Позднее он приписал, что полный текст примечаний и легенды («Повести Аданэли») нашелся. Он хранил свои бумаги в разных местах, чтобы с ними чего-нибудь не случилось, и оттого в последние годы с ним часто случались подобные неприятности. Джейн Нив умерла в 1963 г.; см. «О датировании», стр.

[24] «melk» — первоначально эта основа написана с двумя гласными, возможно, «melek», но вторая гласная, видимо, зачеркнута.

[25] Примечательно, что старая форма «Мелько» дана здесь как вариант.

[26] ***См. Примечание 2 к «Анналам Амана».***

[27] Ср. с именами тэлери «Линдар» и «Высших эльфов» — «Тар-эльдар» статьи «тэлери» и «эльдар» в Указателе к «С».

[28] «Саэлон» — заменено на «Саэлинд», «Мудрое сердце».

[29] Ср. слова Голоса Эру в «Повести Аданэли», стр. 1537 ff.

[30] Это значит: «хотя мы не знаем точно, что именно „живет внутри“».

[31] ***Ср. сноску на имя «Фириэль» в «Законах и обычаях».***

Приложение.

«Беседа Манвэ с Эру»и поздние концепции перевоплощения эльфов.

В начале Примечания III (стр. 1188) сказано, что, «согласно преданиям эльфов, их перевоплощение Эру доверил Манвэ, дав ему на то особое дозволение, когда Манвэ во время споров о судьбе Финвэ и Мириэли напрямую обратился к Эру, прося совета». Это кажется очень странным в свете «Законов и обычаев эльдар», где вполне определенно сказано: «Бездомная феа, которая решила вернуться к жизни и получила на то разрешение, ***входила в новое тело через второе рождение. Только так она и могла вернуться»*** *. (Такой «редкий и странный случай», как возвращение Мириэли, которую «вселили в ее собственное тело», упоминается как единственное исключение из правила). В «Законах и обычаях» все основано на том, что Мириэль могла бы вернуться обычным путем, если бы захотела; так, Ульмо во время Спора Валар сказал, что, «возможно, феа Мириэли ушла по необходимости, но она ушла,* ***„не желая возвращаться“*** *, и* ***„в этом ее вина“****». Нельзя думать, что «Законы и обычаи» основаны на том, что возрождение совершается «по особому дозволению», которое Эру дал Манвэ «во время споров о судьбе Финвэ и Мириэли» — в этой работе нет ни малейшего намека на подобную идею.*

Это объясняется тем, что после создания «Законов и обычаев» взгляды отца на судьбу умерших эльфов подверглись коренным переменам; в процитированном отрывке из Примечания III к «Комментарию к „Атрабет“» о «возрождении» вообще не упоминается.

Существует текст, озаглавленный «Беседа Манвэ с Эру», более поздний, чем «Законы и обычаи», но предшествующий «Комментарию к „Атрабет“». Эта работа (напечатанная на машинке) была задумана как двухчастная: сперва шли вопросы Манвэ и ответы Эру, а за ними следовало длинное философское рассуждение о значении и следствиях того, о чем говорилось в первой части; но работа осталась незаконченной, а вторая, более подробная версия «Беседы» была оставлена где-то на третьей странице. Я публикую только первую часть, «Беседу», в первоначальной, краткой версии.

Манвэ заговорил с Эру и сказал:

— Се! Явилось в Арде зло непредвиденное: Перворожденные Дети, кого бессмертными сотворил Ты, претерпевают ныне разделение души и тела. Ныне в Средиземье много бездомных феа эльфов; и даже в Амане есть одна. Бездомных мы призываем в Аман, дабы уберечь от Тьмы, и все, кто внял нашему голосу,

пребывают здесь в ожидании. Но что делать дальше? Есть ли средство, чтобы возвратить им жизнь, дабы следовали они путем, предначертанным Тобою? И как быть тем обездоленным, что оплакивают ушедших?

И ответил Эру:

— Да возвратятся бездомные в дом свой!

И спросил Манвэ:

— Как же это сделать?

И ответил Эру:

— До будет разрушенное тело восстановлено. Или же пусть обнаженная феа снова родится как дитя.

И сказал Манвэ:

— Есть ли Твоя воля на то, чтобы мы совершили это? Ибо мы страшимся вмешиваться в дела Твоих Детей.

И ответил Эру:

— Разве не вручил Я валар правление Ардой и власть над всем веществом ее, чтобы творить из нее, что они хотят, по Моей воле? И вы не пренебрегали этим. Что же до Моих Перворожденных — разве не привели вы многих из них в Аман из Средиземья, где Я поселил их?

И ответил Манвэ:

— Мы сделали это, боясь Мелькора, и с благими намерениями, хотя и не без опасений. Но воздействовать нашей властью на плоть, сотворенную Тобой, дом духа Детей Твоих, кажется нам чем-то превосходящим наши права, даже не будь это превыше нашего искусства.

И сказал Эру:

— Я даю вам право на это. Искусством же вы обладаете, не ведая того. Взгляните — и увидите, что любая из душ Моих Детей хранит в себе полный отпечаток своего былого дома и память о нем; и душа в наготе своей открыта вам, так что вы можете ясно видеть все, что есть в ней. И по этому отпечатку можете вы восстановить дом до последней мелочи, таким, каков он был до того, как с ним случилась беда. И тогда вы можете вернуть его в земли Живых.

И спросил Манвэ снова:

— О Илуватар, не говорил ли Ты также и о новом рождении? И это тоже в нашей власти и в нашем праве?

И ответил Эру:

— Это в вашем праве, но не вашей властью совершается это. Тех, кого вы сочтете достойными возрождения, если они пожелают того, твердо зная, на что идут, вы предадите Мне, и Я буду решать их судьбу.

Как видно, возникают совершенно новые стороны вопроса о

возвращения Умерших к Живым. Отец пришел к мысли, что до смерти Мириэли ни одна феа Умерших не была «возвращена в дом свой», и лишь в ответ на просьбу Манвэ Эру объявил, что феа может вернуться, и объяснил, как это сделать. Один из способов — новое рождение, но Умершие, пожелавшие вернуться таким образом, должны быть преданы Эру и ожидать Его решения. Другой способ — когда валар восстанавливают «дом до последней мелочи, таким, каков он был до того, как с ним случилась беда»; это перевоплощение Умерших в хроа, совершенно идентичное тому, которое погибло. Длинное рассуждение, которое следует за «Беседой», посвящено в основном «идентичности» и «эквивалентности» в отношении к этой форме перевоплощения, и представлено в форме комментария мудрецов эльдар.

Рукопись, наскоро написанная на клочках бумаги и озаглавленная «Перевоплощение эльфов», похоже, представляет собой размышления отца на эту тему в период между написанием «Беседы Манвэ с Эру» и «Комментария к „Атрабет“». В этом эссе он бегло и вскользь обсуждает различные трудности, возникающие на всех уровнях (от практического до психологического) в связи с перевоплощением феа в новорожденное дитя других родителей, при том, что ребенок, вырастая, постепенно вспоминает всю свою прошлую жизнь: «самое убедительное возражение состоит в том, что эта идея противоречит фундаментальному представлению, что феа и хроа ***неразрывно*** *связаны друг с другом: поскольку хроа имеют физическую природу, новое тело, происходящее от других родителей, должно быть другим», и это должно причинять боль возрожденной феа.*

Итак, он оставляет, причем навсегда, давнишнюю концепцию возвращения эльфов к жизни во плоти путем нового рождения: в результате тщательной проверки этой мифологической идеи на прочность в тех границах, которые он себе поставил, она начала представляться серьезной ошибкой в метафизике бытия эльфов. Но, как он говорил, «это трудное положение», ибо перевоплощение эльфов «представляется одной из основ этих легенд». «Единственный выход, — решил он, — это восстановление совершенно идентичного хроа умершего тем способом, о котором говорит Эру в „Беседе Манвэ с Эру“: феа сохраняет память, отпечаток своего хроа, „своего былого дома“, такой точный и глубокий, что по нему можно создать идентичное тело».

Эта мысль из «Беседы Манвэ с Эру» не была оставлена — ссылка на нее имеется в «Перевоплощении эльфов» (но, видимо, приведенная выше «Беседа» существовала до того, ибо в ней Эру говорит о возрождении как о возможном пути нового воплощения бездомной души, тогда как в настоящем эссе такая идея

полностью отвергается и ей нет места в «единственном выходе» из «трудного положения»). Новая концепция примерно такова. В Песни Айнур не было смерти эльфов и существования их «бездомных» феа, ибо по природе своей они были бессмертны в пределах жизни Арды. В Чертогах Мандоса собралось много таких феа эльфов, умерших в Средиземье, но только после того, как в Амане умерла Мириэль, Манвэ напрямую воззвал к Эру, прося совета. Эру «принял и узаконил это положение», хотя и дал Манвэ понять, что валар следовало раньше воспротивиться Мелькору, захватившему власть над Средиземьем, и что им недостало «эстэль»: они не решились положиться на то, что в случае законной войны против Мелькора Эру не дал бы Мелькору разорить Арду настолько, что это помешало бы приходу Детей, или она стала бы непригодной для них. (Ср. «Поздн. Кв»: «И сказал Манвэ валар: „Вот совет Илуватара в сердце моем: должно нам снова овладеть Ардой, любой ценой, и освободить квэнди от теней Мелькора“. Тогда возрадовался Тулкас, но Ауле был опечален, и говорят, что он (как и некоторые другие валар) прежде не желал бороться с Мелькором, предвидя, какие раны нанесет миру эта борьба»).

Далее сказано, что «все феа Умерших приходят в Аман к Мандосу; или, точнее, их призывают туда по праву, дарованному Эру. И место приготовлено им». Похоже, это означает, что лишь теперь Мандос получил власть призывать в Аман души Умерших; но слова «и место приготовлено им» понять трудно — неужели имеется в виду, что даже Чертогов Ожидания не существовало до разговора Манвэ с Эру? (Это противоречит утверждению, которое встречается раньше в «Перевоплощении эльфов», что ко времени «Беседы» в Мандосе собралось уже немало бездомных душ).

Теперь валар дано право вселять феа умерших эльфов в хроа, идентичные тем, которые они утратили; текст продолжает: «Как правило, феа, получившая новый дом, оставалась в Амане. В Средиземье их отправляли только в совершенно исключительных случаях, как Берена и Лютиэн… Поэтому смерть для эльфов Средиземья была почти такой же потерей, как для людей. Но, как заметила Андрет, благодаря уверенности в возвращении к новой жизни во плоти и возможности ***делать*** *что-то смерть была все же гораздо менее страшна с точки зрения отдельной личности» (ср. «Атрабет», стр. 200).*

Похоже, здесь отцу пришла новая мысль: он спрашивает, не может ли «бездомная» феа самостоятельно (после необходимых наставлений) воссоздать свое хроа по воспоминаниям (позднее это стало его неизменной точкой зрения, как видно из очень поздней работы о перевоплощении Глорфиндэля Гондолинского). Он пишет:

«Очевидно, феа сохраняет очень яркие, живые и полные воспоминания о своем опыте. Смысл концепции в том, что „материя“ становится частью „духа“, становясь частью его ***знания*** *, и благодаря этому уходит из времени и подчиняется духу. Так же, как эльфы, оставшиеся в Средиземье, постепенно „сжигали“ свои тела — или тела становились одеянием памяти? Воскресшее тело (по крайней мере, у эльфов) было в определенном смысле бестелесным. Но если оно могло при желании преодолевать материальные преграды, оно могло также и создавать их. Воскресшее тело можно потрогать. А если оно хочет, оно может просто ускользнуть — исчезнуть. Его положение в пространстве зависит от желания хозяина».*

Ни в «Комментарии к „Атрабет“», в том месте, где идет речь о реинкарнации (стр. 880), ни в Примечании III, относящемся к этому месту, о возрождении даже не упоминается, хотя последнее совершенно явно основано на «Воскрешении эльфов» [«Перевоплощении»?]. Так, Прим. III подразумевает (хотя об этом нигде не говорится прямо), что только после разговора Манвэ с Эру Мандосу была дана власть призывать к себе феа Умерших, а следующие за этим слова Примечания очень близки к тому, что сказано в «Воскрешении эльфов»: сравнить

«Там им предоставляли выбор: остаться бездомными, либо (при желании) обрести новый дом, во всем подобный прежнему. Тем не менее перевоплотившиеся, как правило, должны были оставаться в Амане. Так что те, кто жил в Средиземье, теряли друзей и родичей, а те теряли их, и этого нельзя было исправить. Смерть все же оставляла шрамы. Но благодаря тому, что эльфы были уверены в том, что с ними будет после смерти, и знали, что при желании смогут хотя бы снова обрести плоть, и творить, и создавать, и постигать Арду, смерть для них (как заметила Андрет) была совсем не тем, чем представлялась она людям».

Интересное указание на хронологию дает замечание, которое встречается как в «Перевоплощении эльфов», так и в Прим. III к «Комментарию», о том, что смерть для эльфов совсем не то, что для людей, «как заметила Андрет». Итак, ко времени написания «Перевоплощения эльфов» «Атрабет» уже существовал, а «Комментарий» был написан позднее «Перевоплощения». Представляется очевидным, что прошло некоторое время между созданием существующих «Речей Финрода и Андрет» и «Комментария» к ним.

Следует упомянуть еще одно место из «Перевоплощения эльфов». Отец, уклонившись немного в сторону от основного хода мыслей, которые развивались так быстро, что даже его перо за ними не поспевало, заметил, что «вопрос о том, в каком виде

существуют Аман и Эрессэа с тех пор, как их вынесли за пределы Арды, должен остаться без ответа», так же как и вопрос о том, «как „смертные“ вообще могут попасть туда». На это он возражает, что души умерших смертных Эру также «давным-давно» поручил Мандосу; ср. «КвС»: «Что происходит с их душами после смерти, эльфы не знают. Иные говорят, что они тоже уходят в чертоги Мандоса; но у них свой чертог, отдельный от чертогов эльфов, и, кроме Манвэ и Илуватара, один лишь Мандос знает, куда они уходят после того, как их призовут в безмолвные чертоги за Западным морем». «Пребывание Фродо на Эрессэа, — продолжает он, — а потом в Мандосе — было лишь отсрочкой. Фродо в конце концов оставил бы мир (по собственному желанию). Так что отплытие на корабле было равносильно смерти».

Можно сравнить с этим то, что он писал в конце пересказа «ВК» в письме к Мильтону Вальдману от 1951 г. (этот отрывок опущен в «Письмах», но опубликован в IX томе):

«Бильбо и Фродо дарована особая милость: разрешение отплыть с эльфами, которых они так любили — артуровская концовка, хотя, конечно, не объясняется, что это: „аллегория“ смерти, или некое исцеление и восстановление, которое позволит вернуться».

Однако в письме к Наоми Митчисон от сент. 1954 (Let. N 154) он говорит:

«Мифологическая идея состоит в том, что, поскольку „природу“ смертных нельзя изменить навсегда, для них это лишь временное вознаграждение: исцеление и возмещение страданий. Они не могут остаться навсегда, и, хотя они не могут вернуться в смертные земли, они смогут и захотят „умереть“ — „умереть“ по доброй воле, оставить этот мир. (С такой точки зрения возвращение Артура невозможно, это пустая фантазия)».

И гораздо позднее, в черновике письма от 1963 г. (Let. N 246), он писал:

*«Фродо послали — или дозволили приплыть — за море, чтобы исцелить его (если возможно) **прежде, чем он умрет** . В конце концов он „ушел“ бы: ни один смертный не мог и не сможет вечно жить на земле, во Времени. Поэтому он отправился лишь на время, для очищения и в награду: ему дали время поразмыслить, обрести покой и понимание своего истинного положения, своего ничтожества и величия, и пожить во Времени, среди естественной красоты „Арды Неискаженной“, Земли, не отравленной злом».*

Комментарий Oumnique: Задавшись целью привести этот файл в удобный для чтения вид (сноски расставить, etc.), я выяснила, что текст переведен авторами не полностью, — не

хватало нескольких кусков текста и примечаний. Некоторые из этих кусков любезно согласился перевести Ринглин. Они выделены в тексте синим цветом.